

КРОКОДИЛ

20
ИЮЛЬ 1967

— Что-то ты, Мишенька, своих однокашников забывать стал. А ведь моему сыну в этом году в институт поступать...

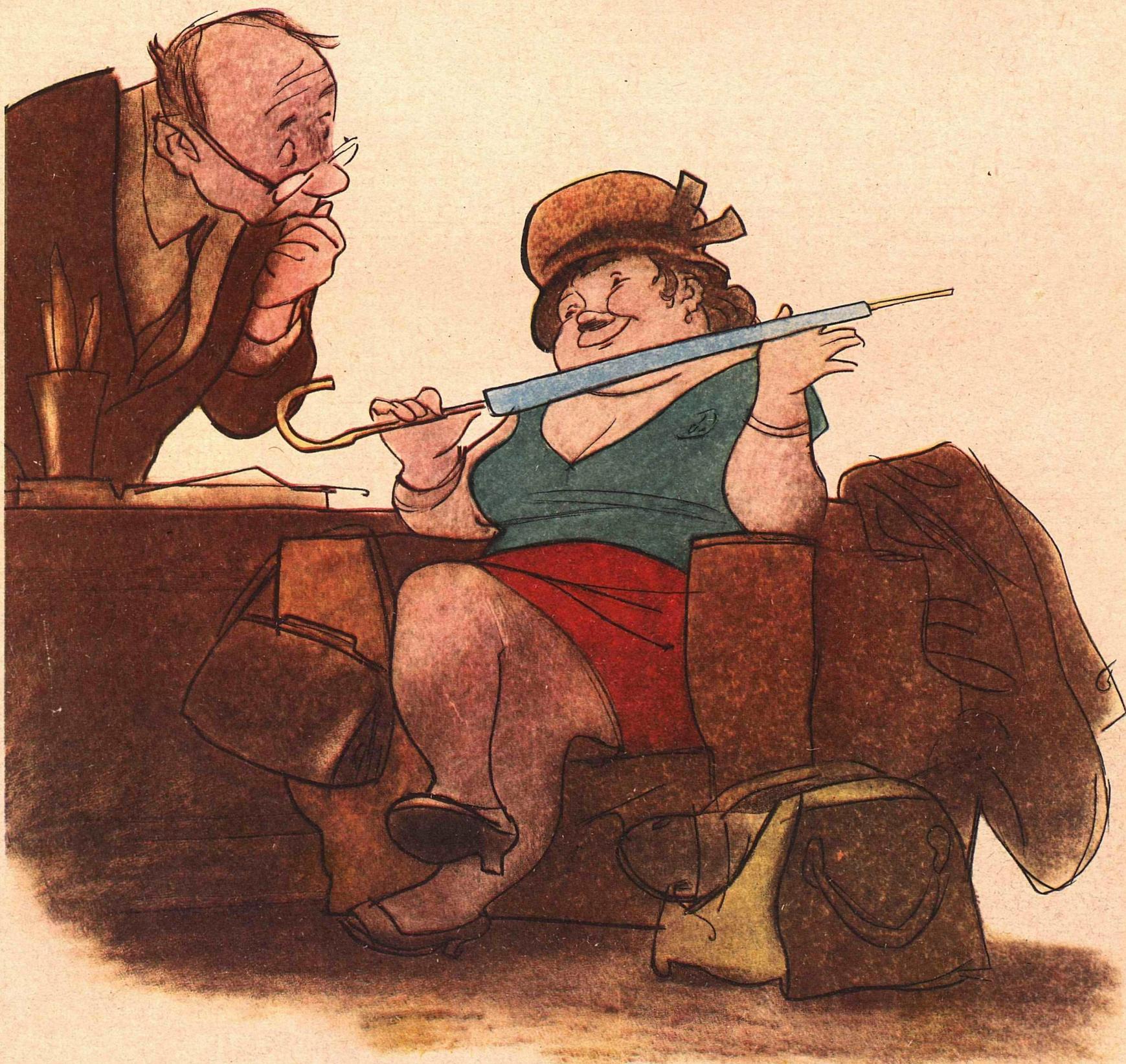

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

ГОРЕ

ЛУКОВОЕ

здесь привозные. Вот выдержка из недавнего постановления областного комитета народного контроля:

«В г. Курске на 1 июня реализовано овощей лишь 22,3 тонны от хозяйств Курского района, а 120,8 тонны закуплено за пределами области».

Зайдя в столовую, вы можете отведать фирменные курские блюда: борщ всесоюзный; окрошку межобластной и солянку, само собой разумеется, сборную. Потому что в них закладываются:

*Лукоц бакинский,
Огурчик крымский,
Из-под Одессы сельдерей.
Чеснок орловский,
Укроп тамбовский,
Картофель с винницких полей.
Томат тбилисский...
Морковь с редиской
Из Брянска ехали сюда.
Да и капуста
Не из-под Курска...
А что же курского?..
Вода!*

Почему же куряне должны кушать в июне «лукоц бакинский»? Директор Горплодоовощторга тов. Алябьев сказал, что об этом лучше спросить тов. Федосюткина — начальника районного производственного управления сельского хозяйства. Кстати, он еще в декабре прошлого года со страниц «Курской правды» объявил, что завалит город овощами...

А в совхозе «Гуторовский» я узнал о горе луковым. Здесь заключили заведомо нереальный договор с Горплодоовощторгом на поставку 40 тонн лука-пера.

Каждый, кто заходил в тот день в буфет на четвертом этаже гостиницы «Курск», скользнув глазами по прилавку, бросал одну и ту же фразу:

— Баснословно!

Среди сосисок, котлет и рыбконсервов на тарелочке лежало несколько ломтиков помидора, присыпанных зеленым луком и политых ложкой сметаны. А на этикетке красовалась цена: «73 коп.».

Командированные признавались, что видят такую цену в первый раз. Купил три салата — и суточных нет!

— Как образовалась эта цена? — спросил я в конторе ресторана «Курск».

Выяснилось, что ресторан купил на рынке у заезжого кавказца 44 килограмма помидоров по 5 рублей за килограмм. Плюс рубль наценка...

Но в тот же день в некоторых курских магазинах продавались помидо-

ры по 3 рубля 50 копеек, а дня через два цена снизилась до двух рублей.

Но это что! Бывает хуже!

*Я странных множество вещей
И в производстве обнаружил
И в заготовке овощей.*

«Овощная недостаточность» — хроническая болезнь Курска, расположенного в центре благодатного Черноземья. Словно где-нибудь в Арктике, в начале лета почти все овощи

Исполнение желаний

На Енакиевском металлургическом заводе кипела работа. Строился кислородно-конверторный цех...

Монтажники, бетонщики, арматурщики трудятся не покладая рук. Жарко! И от работы и от солнца.

— Эх, сейчас бы искупаться! — сказал один рабочий другому, вытирая пот со лба мешком, который тут же промок.

И как бы в ответ ему послышался страшный крик.

— Тонем! — кричал старший прораб 113-го управления треста «Донбасстальконструкция» Николай Дмитриевич Кушковой.

— Караул, спасите! — вторил ему главный инженер управления промстройтреста «Енакиевметаллургстрой» Евгений Васильевич Тначенко. — Наводнение! Уже фундаменты залило!

Что случилось? Почему потоп? Откуда хлынули воды?

Оказалось, просто. Сосед металлургического, Енакиевский коксохимический завод (директор тов. Дариенко), взял да и открыл отстойники фекальных вод. А вода всегда течет вниз. И хлынула она в котлован, где бригады бетонщиков и монтажников вели укладку фундаментов и монтаж железобетонных колонн. Вот, мол, вам и купание!

Ударили в набат.

— Срочно примите меры! — трезвонил начальник комплекса директору коксохимического завода.

А когда все телефоны испортились, начали писать бумажки. Но от этого воды не убавилось. Ее не успевали откачивать насосами.

Около двадцати дней вода текла в котлован. Бригада бетонщиков, 25 человек, только тем и занималась, что очищала залитые глиняной жижей фундаменты.

Наконец наводнение прекратилось. Но прекратили его не руководители коксохимзавода, а сами строители. Итог: строительство было задержано, убытки от «потопа» все еще подсчитываются.

Ю. ХВОСТИШКОВ,
машинист доменного цеха

г. Енакиеве.

КУРАМ НЕ ДО СМЕХА

Вот какую грозную бумагу получили житель села Астрадамовки, Ульяновской области, П. Ф. Гурьянов и некоторые другие:

«Тов. Гурьянов П. Ф.

Школа предупреждает Вас о том, что если еще ваши куры будут на школьном участке, то они будут отравлены.

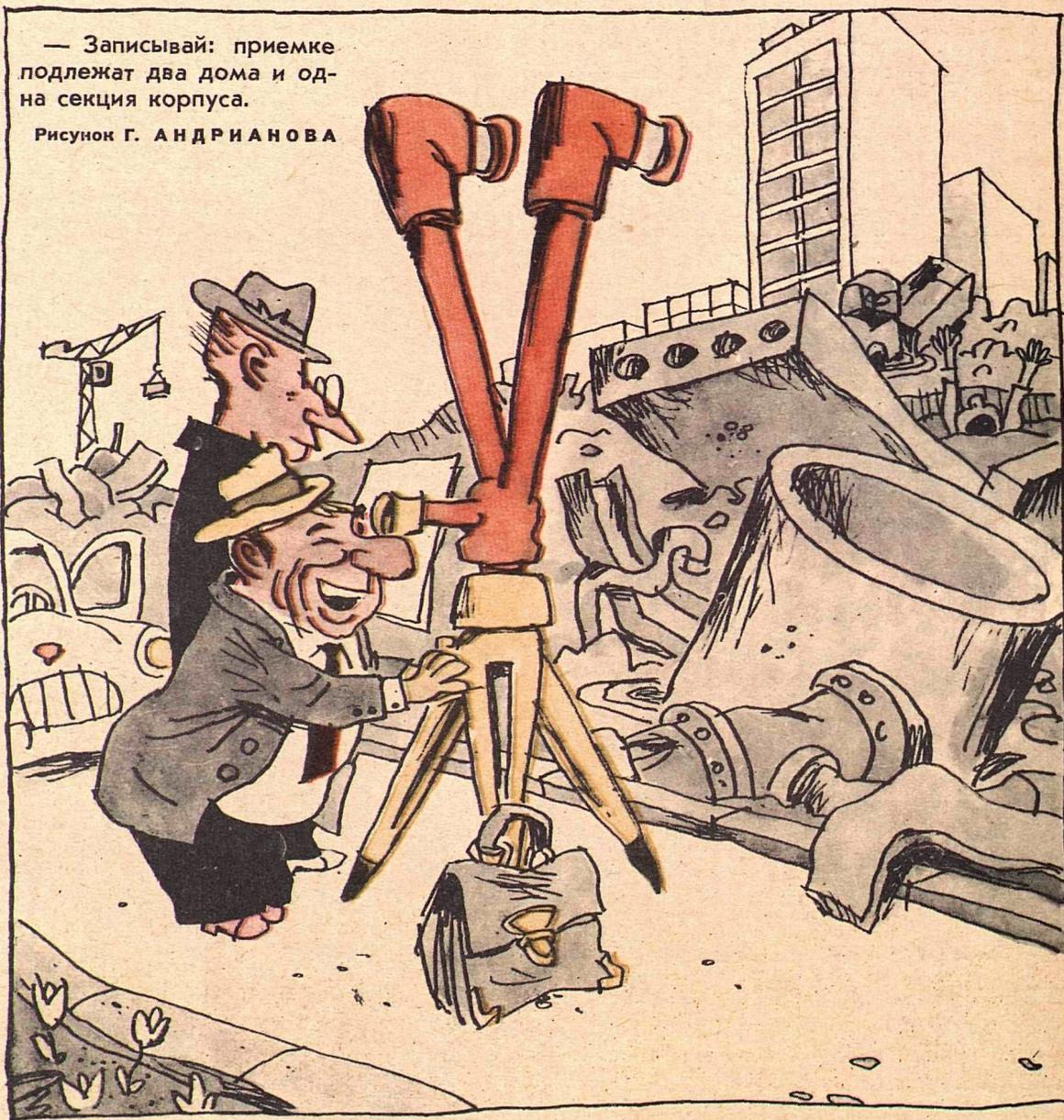
Директор школы Прокофьева».

Бумага официальная, со штампом и исходящим номером.

Скажете: курам на смех? Но курам не до смеха, поскольку над ними нависла смертельная опасность.

Н. МАЛИНИН

г. Ульяновск.

— Записывай: приемке подлежат два дома и одна секция корпуса.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Мы было отказывались,— рассказывает главный агроном Ф. Панфилов,— но нам сказали: «Вы подписывайте, а там дадите — не дадите, спроса не будет!»... А какой может быть спрос! Ведь если бы мы сдали эти сорок тонн, то имели бы много тысяч рублей убытку.

Оказалось, что этот совхоз, как, впрочем, и другие хозяйства, не имея лукохранилища, вынужден покупать в «Сортсеменовощи» лук-севок по 1 рублю 35 копеек за килограмм. И если выращиваешь из этого материала не репчатый лук, как положено, а пускаешь «на перо», то

*Убыток всегда имеешь,
А выгоды ни на грош:
На рубль тридцать пять посеешь,
И только на рубль пожнешь!*

«Гуторовский» создан несколько лет назад как специализированное овощекртофелеводческое хозяйство. Замысел был хороший: создать 5—6 таких специализированных хозяйств в Курском районе с парниками, теплицами, поливом. Но до этого еще далеко! И пока что Горплодоовощторг вынужден заключать договоры сразу со многими колхозами в надежде, что каждый сдаст хоть понемногу. Но и колхозы к договору относятся как к филькиной грамоте. Вот факт: колхоз «Родина» вместо того, чтобы сдать «договоренные» ранние огурцы торгу, сбил их подороже на городском рынке.

Каждому овощу, как известно, свое время. Едва созрев, он начинает те-

рять качество. И заготовители, которые вчера молили: «Давай ранний!» — сегодня равнодушно отвергают его как опоздавший: этот, мол, кривой, этот на полсантиметра больше стандартного. На полях и огородах образуются горы овощей. Теперь уже проблема номер один — переработка.

В области четыре консервных завода: Дьяконовский, Обоянский, Дмитриевский, Золотухинский. Народные контролеры подсчитали: неизготовленные расходы на этих заводах за год составляют сумму, на которую можно построить пять заводов!

А тем временем в колхозах и совхозах, примыкающих к этим предприятиям, убыточно-бесбыточную продукцию садов и огородов скармливают скоту.

*Редис румяный увядает.
Гниет под деревом ренклюд...
А ведь при этом пропадает
Тот нестроенный завод!*

*На ферме хрюшка молодая
Ест с аппетитом нежный плод,
Не зная, что она съедает
Тот нестроенный завод.*

*И — кому снежному подобно —
Растет в цехах убытков счет...
И списывают ежегодно
Тот нестроенный завод!*

Удивительно ли после этого, что местные овощные и фруктовые консервы на полках курских магазинов — уникальная редкость? В «стра-

ну яблок» завозят яблочный сок... из Молдавии!

А запаса корнеплодов, подлежащих хранению, как правило, городу не хватает до теплых дней. Давно уже в картофелехранилищах хоть шаром покати...

Но прокрутим ленту времени назад.

Октябрь 1966 года. У ворот базы Горплодоовощторга — очередь колхозных машин с картофелем. Работники базы морщатся: картофель мелкий, мятый, с царапинами и ссадинами. Принимать такой не полагается. Но колхозам надо выполнять план сдачи! И поступает команда «сверху»: принять!

— Приняли, а потом не знали, как избавиться! — откровенно говорит директор Н. Махов. — Но, представьте, выручили сами сдатчики... В феврале у некоторых кончился запас кормов. И взяли они свой картофель обратно по той же цене... В мае другие спохватились: не хватает посевного материала. Забрали остатки.

Нанес я визит и тов. Федосюткину. Во время беседы он всячески старался меня убедить, что если в городе нехватка овощей, то в этом виновато только «географическое положение».

Вот примерная стихографическая запись нашей беседы:

*Я. Надо триста — сдали сто!
ОН. Ну и что?*

*Я. Парники — ни сё, ни то...
ОН. Ну и что?*

*Я. План остался лишь мечтой...
ОН. Ну и что?*

*Я. Это ставят вам в вину!
ОН. Ну и ну!*

После этой беседы я отправился в библиотеку искать газету, в которой тов. Федосюткин обещал завалить Курск овощами.

И нашел. Вот вырезка из газеты:

А. Д. ФЕДОСЮТКИН, начальник Курского районного управления сельского хозяйства: — Пусть знают куряне, что в следующем году мы обеспечим город и овощами, и картофелем полностью.

Ну как, Андрей Дмитриевич, напоминаете?

Мих. ВЛАДИМОВ, специальный корреспондент Кронодила

г. Курск.

Петру КЭРАРЕ

БЛАГОРАЗУМНАЯ ОСТОРОЖНОСТЬ

Подобно людям, вне сомненья, Имел он собственное мнение. Но мнение то шептал в кулак, Боясь лишиться неких благ. С трибуны глас не возвышал он, Разя глаголом, как кинжалом: Пускай словесные клинки Скрестят с начальством дураки!.. «Вот если,— думал он все чаще,— Момент случится подходящий, Тогда такую выдам речь, Что, право, лучше не перечь! Тогда в лицо начальству смело Я брошу все, что наболело. Тогда держись и зам и зав...»

Он помер, слова не сказав.

ЗАВЕЩАНИЕ БЮРОКРАТА

Посетителю ответьте, Промурюжив час-другой: — Он, наверно, в Главотсвете Задержался, дорогой...

ЗАВЕЩАНИЕ СПОРТСМЕНА, ПОГУБЛЕННОГО ЛАВРАМИ

Могилу вырыть Глубже, чем соседу, На сантиметр хотя бы Мне должны. Чтоб знали все, Читая спортгазету, Что я достиг рекордной глубины.

Перевод с молдавского Бориса ГАЙКОВИЧА

— Что это докладчик пошел по рядам?

— Решил высказать некоторые критические замечания.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

10Ф22

В день рождения почему-то принято дарить мне рубашки.

Нынче мне тоже подарили рубашки. Сперва — жена, сын и невестка. Коллективно. Дело в том, что невестка купила рубашку своему супругу. Она оказалась ему мала, и было решено подарить рубашку мне. Невестка пошептала со своей свекровью, и та решительно объявила мне:

— Я хочу сделать тебе подарок ко дню рождения.
— Пожалуйста,— сказал я.
— Но для этого мне нужны деньги.
— Сколько?
— Пятнадцать рублей.

Я отсчитал требуемую сумму. Жена передала эту сумму невестке, а та взамен вручила моей жене рубашку.

Это была черт знает что за рубашка! Она едва налезала на меня, едва застегивалась и к тому же имела этаким туалъденоровый цвет.

Жена, сын и невестка убедили меня в том, что подарок прелестнейший.

— Ты ничего не понимаешь— сказали они.— Во-первых, это с лавсаном, во-вторых, цвет самый модный.

Потом принесли сразу две желтых рубашки. Приятели, подарившие их, сделали вид, что у них это получилось очень остроумно.

Здесь я тоже мудро промолчал, решив, что даренному коню в зубы не смотрят.

А вот третий приятель преподнес нечто необыкновенное.

Я даже не подозревал, что на свете могут существовать такие чудо-рубашки.

Она была приятна во всех отношениях: в меру мягка, в меру эластична, в меру тепла и в меру прохладна, а ее манжеты и воротничок — в меру тверды.

Но главное — ее цвет. Ее соткали словно бы из перламутра. Она переливалась нежными серо-голубовато-лиловатыми тонами. Я сразу же, как мальчишка, влюбился в эту рубашку.

А в это время наш поселковый Совет не дремал: разрабатывал и внедрял всяческие полезные мероприятия. Например, было решено облегчить труд женщин и избавить их от стирки белья, для чего открыть в поселке приемный пункт одной из московских прачечных.

Это было грандиозным событием — открытие в поселке прачечного пункта. Все ликовали. Да и как было не ликовать! У женщин освобождалась уйма времени, которое они могли по своему усмотрению провести более разумно, полезно и культурно.

Жена сразу же заявила, что больше не будет стирать мои рубашки, а станет отдавать их в прачечную вместе с простынями и наволочками.

К воротничкам моих рубашек были пришиты ленточки с таинственным номером 10Ф22, и рубашки почему-то сразу приобрели арестантский вид.

Сначала в стирку были сданы туалъденор и перламутр. А когда пришло время (это было воскресным днем), жена сказала:

— По воскресеньям тебе полезно делать прогулки. Кстати, получишь в прачечной свои рубашки.— И с этими словами протянула мне квитанцию.

Моих рубашек не оказалось.

— Зайдите в среду,— любезно сказала приемщица.

В среду рубашек тоже не было.

— Я выясню на фабрике, в чем там дело,— сказала приемщица,— и в воскресенье сообщу вам.

В воскресенье она несколько смущенно сказала:

— Знаете, ваши рубашки, оказывается, пропали.

— То есть как пропали?— спросил я.

— Так,— развела она руками.— Затерялись куда-то. Никак не могут найти. Вам надо написать заявление на имя директора.

— Какое заявление?— опешил я.

— О том, что у вас пропали рубашки.

Я попытался возразить. Как можно мягче я сказал:

— Но они пропали не у меня, а у вас.

— Что значит у нас?— возмутилась приемщица.—

У меня ничего не пропадает. Ты говори, да не заговаривайся. Чьи рубашки?

— Мои.

— Вот и пиши заявление. Не мои же это рубашки.

— Но они пропали на вашей фабрике...

— Вот бестолковый! — всплеснула руками приемщица.— А я о чем толкую битый час! Я же русским языком объясняю: рубашки пропали на фабрике, и чтобы их искать, нужно от тебя заявление.

Я принялся сочинять заявление. А теперь, краткости ради, привожу заметки из моего дневника.

15 апреля. Приемщица сказала, что за рубашки мне выдадут по четыре рубля.

— Почему по четыре?— спросил я.— Это новые рубашки, и за одну из них я сам заплатил пятнадцать рублей.

— Таково решение дирекции фабрики. А рубашки, может, даже дешевле стоят. Бери, что дают.

— Но я прошу вернуть мне мои рубашки.

— Вот бестолковый! Я же русским языком говорю, что они пропали. Затерялись куда-то, и их никак не могут найти. Ты думаешь, на фабрике только одни твои рубашки?

От денег я отказался. Приемщица обещала выяснить в дирекции дальнейшие со мной отношения.

19 апреля. Предложили вместо рубашек три кухонных полотенца. Отказался.

23 апреля. Предложили на выбор: простыню или пододеяльник, у которого теленок отжевал один угол. Отказался.

27 апреля. Ура! Туалъденор нашелся! Вместо перламутра предлагают три наволочки. Долго колебался: не взять ли? Решил подождать.

29 апреля. Вместо рубашки предлагают два раза бесплатно постирать пододеяльники. Отказался.

4 мая. Приемщица сказала:

— Вот что, дорогой гражданин, надоели вы нам со своими рубашками, как не знаю кто. Берите за вторую рубашку шесть рублей, так и быть, но не ходите к нам больше. Смотреть на вас противно.

— Но рубашка стоит не меньше двадцати рублей,— смущенно пролепетал я, чувствуя себя в самом деле довольно противным субъектом.

— У нас на фабрике такая такса. Самая высшая цена. Больше не можем.

Тут я крепко призадумался. Два месяца хожу я сюда и действительно надоел человеку хуже собаки, опротивело ей глядеть на мою физиономию, а меня самого от одного упоминания о прачечной начинает как-то нехорошо перекашивать на сторону. Бог с ней, с рубашкой, хоть шесть рублей взять, пока дают, а то ведь и взащей схлопотать недолго...

Я шел по поселку, сжимая в кулаке две трешки. Даже позабыл сунуть их в карман, так и держал в кулаке, будто милостыню. А навстречу мне шагал знакомый участковый милиционер капитан Карпов. Он почему-то был в штатском костюме.

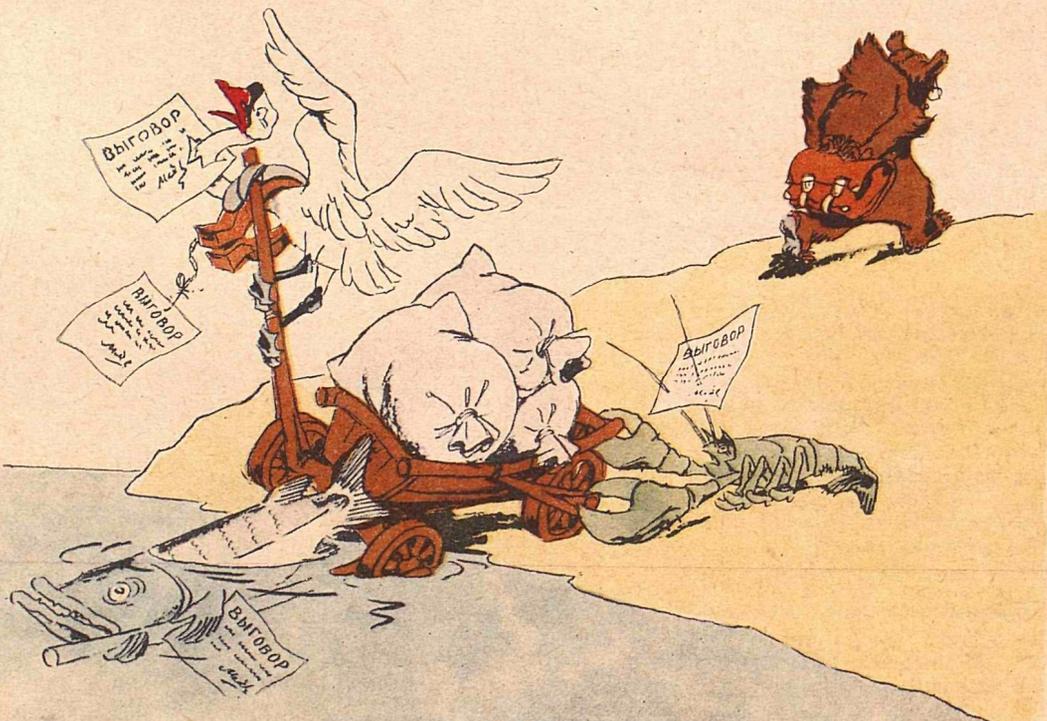
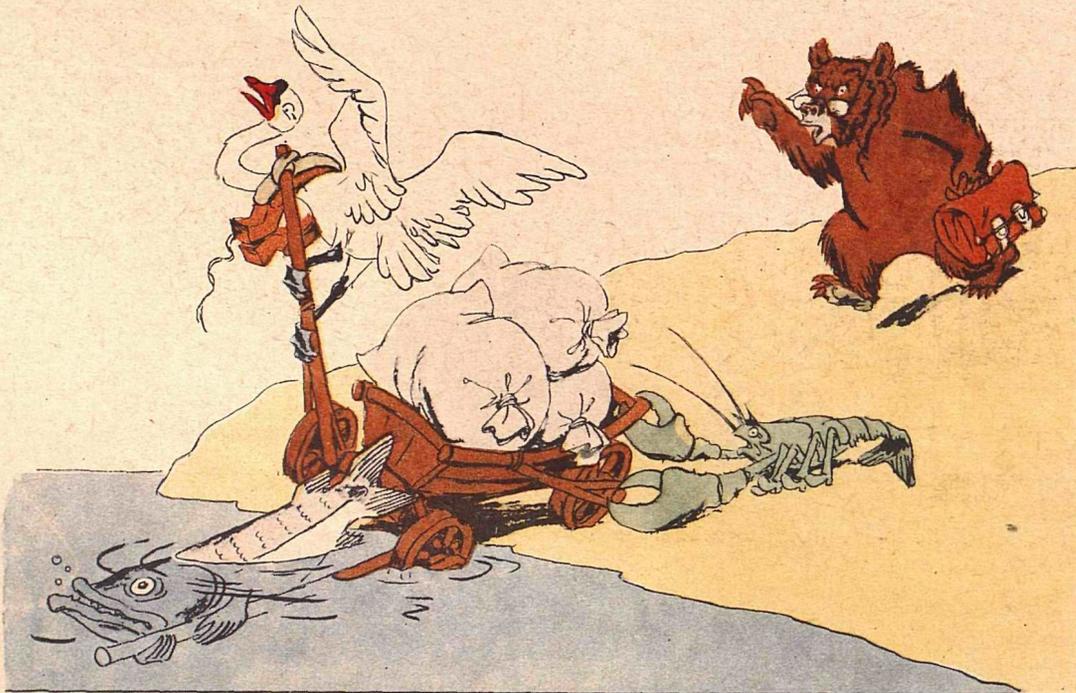
— Куда?— спросил я.

Он отрешенно махнул рукой.

— В прачечную. Вчера получили простыни, а их там словно из дробовика прострелили. Вот ругаться еду, штатское надел, чтобы сподручнее.

«А не поехать ли и мне с ним за компанию?» — подумал я.

Но, увы, было уже поздно. Со мной рассчитались. Шесть рублей в зубы — и делу конец.

Меры приняты.

Рисунок А. БАЖЕНОВА

— У нас на танцплощадке всегда полный порядок!

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

ВАМ НУЖЕН КЕФИР?

Бобруйск волновался и бурлил. Надвигалось торжество — пуск нового молочного завода. Это означало: каждое утро в магазинах города будет самый вкусный в Белоруссии кефир и самая густая в мире сметана.

И вот в прохладном директорском кабинете, куда еще не ступала нога хозяина, собрались члены Государственной комиссии. Предстояло совершить великое таинство — подписать акт приема завода.

На глянцево-м листе уже завихрились первые автографы. Авторучка с золотым пером перешла к члену комиссии, старшему инженеру Госкомитета Совета Министров БССР по охране природы Л. Ф. Полтораку.

— А я не подпишу, — сказал он. Комиссия повскакала с мест. — Господь с вами, Леонтий Филимонович! Все ведь готово! Вон и дирижер оркестра поднял руку с палочкой.

— Оркестр я вижу, — ответил Полтораку. — А где сооружения для очистки сточных вод завода? Согласно Закону об охране природы, статья третья, без них ни одно предприятие принимать нельзя.

Великое таинство было сорвано. ...В Минске, в кабинете заместителя Председателя Совета Министров Белорусской ССР В. Г. Каменского, тревожно заверещал телефон.

— Еду! — коротко бросил Владимир Георгиевич. Черная «Волга», обгоняя ветер, лете-

ла в Бобруйск. У здания горкома она остановилась.

— Ну-с, — бодро сказал высокий гость, — нужен вам кефир, товарищ секретарь?

— Нужен, — не стал отпираться тот. — Отлично, — потер руки высокий гость. — Отсюда и будем танцевать. Приглашайте товарищей.

Кабинет заполнился. — Все налицо, кроме товарища Полторака, — объявил секретарь.

— Разберемся без него, сами с усами, — сказал тов. Каменский. — Кто за бобруйский кефир, прошу поднять руки!

Владимир Георгиевич с улыбкой принялся считать голоса. Однако улыбка быстро сползла. Руку подняли не все. Владимир Георгиевич нахмурился. Воцарилась тишина. И тут явственно прозвучало:

— А закон? — Закон? — встрепенулся тов. Каменский. — Кто сказал: «Закон»?

Выяснилось, что это слово произнесли дуэтом главный санитарный врач Бобруйска тов. Мостыко и начальник санитарного управления Министерства здравоохранения республики тов. Хованский.

— Закон запрещает, — повторили они. — Может, не будем формалистами? — сухо сказал приезжий. — Ведь кефир нужен Бобруйску?

— Нужен! — шумно вздохнул кабинет. — И все равно завод пускать нельзя, — упорствовала тов. Мостыко. — У нас

и без того закон нарушается на каждом шагу. Ежесуточно тринадцать предприятий сбрасывают в Бобруйку тысячи кубометров ядовитой грязи, и все это плывет в Березину — к рыбам, многие из которых уже разделили участь наполеоновских кирасиров. Ну, рыбы — ладно. Они за неимением языка не протестуют. А вот по городу я ходить боюсь. Граждане, живущие на берегах зловонной Бобруйки, побить могут.

— Наберитесь мужества, — посоветовал тов. Каменский. — Скоро вступит в строй первая очередь общегородских очистных сооружений. А пока милиция вас побережет.

— Это мы уже слышали, — не поддавались непокорные. — Первую очередь обещали сдать полностью в 1965 году, потом — в 1966-м, но уже пол-очередки. И до сих пор ничего нет.

— Мало ли что обещалось, — пожал плечами гость. — Эти сооружения чрезвычайно денежнотемкие, металлоемкие, трудоемкие. Словом, разномногоемкие. Вечно того-сего не хватает... Ну, мне пора домой. Кушайте кефир и ничего не бойтесь.

Я был в Бобруйске месяцем позже Владимира Георгиевича. Курилась антиароматными испарениями Бобруйка. Город снова волновался и бурлил. По улице за главным санитарным врачом гнались граждане, вооруженные кефирными бутылками. Город, утратив чувство гуманизма, с интересом ждал исхода погони.

И все же мне не верилось, чтобы тов. Каменский мог с такой необдуманной лихостью, не моргнув глазом, преступить закон. Был у него, наверно, какой-то козырь. Пусть даже тайный. Не может быть, чтобы не было!

Приехав в Минск, я попросил у Владимира Георгиевича аудиенцию.

— Козырь? — удивился он. — А он вовсе не тайный. По-моему, и ребенку понятно, что значит сорвать пуск промышленного предприятия. За такое голову снять мало! А очистные сооружения — они же подсобное. Не главное. Да, конечно, на сей счет существует Закон об охране природы. Но выговор за нарушение закона я переживу.

Владимир Георгиевич является, так сказать, главным строителем республики. Поэтому я хотел спросить у него не только о Бобруйске. Сроки строительства очистных сооружений срываются также в Барановичах, Гродно, Лиде, Борисове, Витебске, Бресте, Солигорске. Правда, об этом В. Г. Каменскому писал председатель Белорусского Государственного Комитета по охране природы Герой Советского Союза И. Тимчук. Но ответа не получил.

И я не спросил. После объяснения главного строителя республики такой вопрос звучал бы более чем наивно.

Н. МОНАХОВ,
специальный корреспондент
Крокодила

Бобруйск — Минск.

ФАЛЬШЬ

Письмо дымилось от негодования, обжигая пальцы и душу. Читать его можно было, только перебрасывая с ладони на ладонь, как горячую картошку, выхваченную из костра. И хотя взволнованное послание юриста Павлодарского стройуправления ТЭЦ-3 И. М. Несмеянова не отличалось стройностью доназательства, было ясно, что в мире произошло еще одно зло.

Судя по письму, некий Колмогоров Петр Филиппович, человек малограмотный, не учась ни одного часа в Духовицкой школе, Павлодарского района, Павлодарской области, неизвестным путем добыл себе свидетельство об ее окончании, поступил в Павлодарский зооагрономический техникум, где подставные лица сдали за него экзамены, и вышел оттуда с дипломом агронома.

«Я никогда бы не поверил,— пишет с возмущением Несмеянов,— что можно, ничего не зная, получить диплом. Теперь убедился... Вот какие порядочки... Приезжайте, сами убедитесь...»

Юрист, страж закона, бьется за правду, человек ищет помощи,— надо ехать!

Прилетев в Павлодар, я тут же направился домой к Несмеянову, чтобы позвать его мужественную руку борца за справедливость и задать один-единственный вопрос, который мучил меня всю дорогу: как ему удалось раскрыть эту историю?

— А очень просто,— скромно сказал Несмеянов.— Петр Филиппович не кто иной, как брат моей жены, или, проще сказать, шурина, родня, одним словом...

— Вот те на! А вы писали: «Некий Колмогоров»?..

— И знаю я это дело еще потому,— не отвечая на мой вопрос, продолжал Несмеянов,— что я лично за этого невежественного человека заявление написал в техникум, и автобиографию за него составил, и контрольную работу по русскому языку сдал, за что готов понести соответствующее наказание по общественной линии...

— Почему же по общественной? Разве участие в подлоге не карается по закону?

— Карается. Это точно. Даже статья такая имеется. Только за давностью совершения преступления она теперь неприменима. Сами посудите: поступил Колмогоров в техникум в 61 году, окончил — в 66 году. Так что все прошло, травой заросло. Да и сам-то Колмогоров, как диплом получил, в Молдавию умотал, не оставив подробного адреса... Видите, как?

— Шесть лет молчали, а теперь заговорили... Что это — угрызения совести?

— Совершенно точно! Исключительно муки совести. Покая, знаете, лишился. Долго маялся, а потом решился: дай, думаю, постою за правду, зло искореню, диплом у Петра отниму, а там будь что будет. Пусть меня возведут на голгофу общественного порицания, так мне и надо...

Юрист смотрел на меня ясными глазами, был спокоен, неуязвим и будто искрился от чувства исполненного долга. И тут я услышал глухой стон и сдавленный кашель. Оглянулся и увидел в углу старуху в белом платочке, с большими светлыми глазами на исхудалом лице.

— Кто вы, бабушка? — спросил я.

— Колмогорова я, Мария Адамовна, мать Петра. У зятя живу.— Она кивнула в сторону Несмеянова.— Счастье мое, что Советская власть мне пенсию положила за сына, что на войне убили... Горькое счастье мое...

— Вот-вот! — подхватил Несмеянов.— Мало того, что Петр ее ограбил да на меня кинул, так он хотел еще у нее последние деньги забрать, какие она себе на похороны оставила... Это ж надо, старая на панихиду свою приборегла, а сын отнять хотел! Верно я говорю, мамаша?

Старуха молча смотрела на него большими выцветшими глазами.

Вот так история, подумал я. Юрист участвует в подлоге, потом, поссорившись со своим сообщником, обличает его, а заодно и самого себя, искренне считая при этом, что честно выполнил свой гражданский долг. Что-то не верится... Может быть, Несмеянов клеветает на себя?

Иду знакомиться с учебным делом Колмогорова. Все, оказывается, верно. Вот заявление в техникум и автобиография, написанные рукой Несмеянова, вот задачи на десятичные дроби, которые безуспешно пытался решить Колмогоров, вот и сочинение по русскому языку...

А вот еще какая-то бумажка: «Докладная. Зав. РОНО тов. Дукембаеву от директора Духовицкой 8-летней школы Курманова К. Р. В настоящей докладной сообщая Вам о том, что у нас в школе имеется книга для регистрации выдаваемых свидетельств окончивших 7 и 8 классов с 1957 года, но там никакого Колмогорова П. Ф. не числится. То есть тов. Колмогоров не получил свидетельства в Духовицкой школе».

Итак, свидетельство, представленное Колмогоровым в техникум, было действительно фальшивым. Главную роль в постыдном спектакле поступления Колмогорова в техникум сыграл именно юрист Несмеянов. И теперь спросим себя: во имя чего же все-таки после многолетнего молчаливого согласия поднял Несмеянов на своего сообщника и родню карающую длань?

Заметим при этом, что речь идет не о легкомысленных и пыльных юнцах, готовых на необдуманные поступки. И тот и другой — умудренные опытом зрелые люди, каждый из которых давно уж распечатал пятый десяток.

Муки совести? Конечно, это не исключено, но почему-то эти невыразимые страдания достигли своих пределов как раз к тому времени, когда Колмогоров получил диплом и появилась возможность как следует его прижать без всякого риска самому попасть под опасное действие некоторых статей УК. И откуда эта ожесточенность Несмеянова, идущего на публичное саморазоблачение, лишь бы насолить шурина?

Но тайна сия проста есть. Все ставит на свои места вопль Несмеянова: «...сам ее ограбил и на меня кинул!». Причиной беспринципной ссоры, которую Несмеянов ведет под флагом борьбы за святую правду, оказывается старая, беспомощная Мария Адамовна. Она живет у дочери, а зятю это претит, у нее есть сыновья, но они не помогают ей, и Несмеянову приходится нести на себе все заботы, а он этого не хочет.

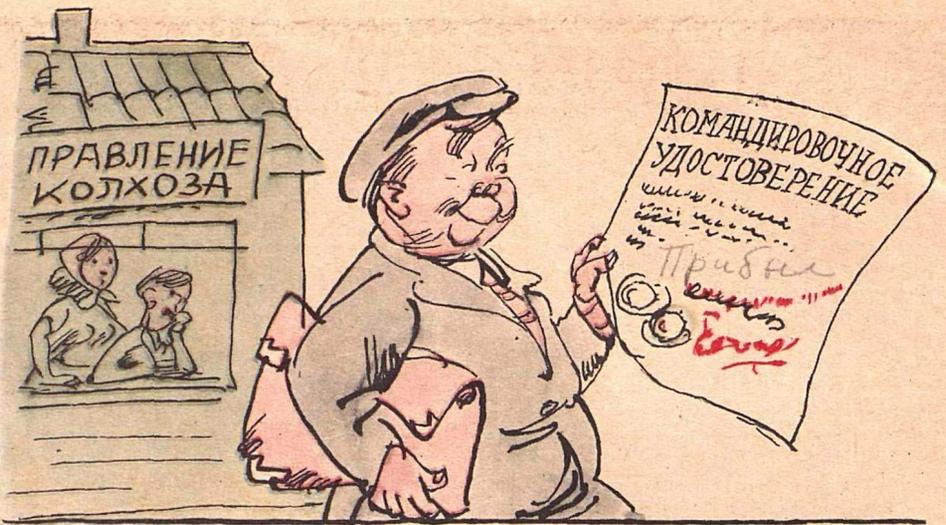
Вот и вся правда. И не будь этого семейного разлада, не открылось бы, что почтенный механизатор Колмогоров пошел на подлог, а почтенный юрист Несмеянов стал подставным лицом в позорной комедии.

И только по-прежнему глухо постановляет горемычная и среди родных людей одинокая Мария Адамовна.

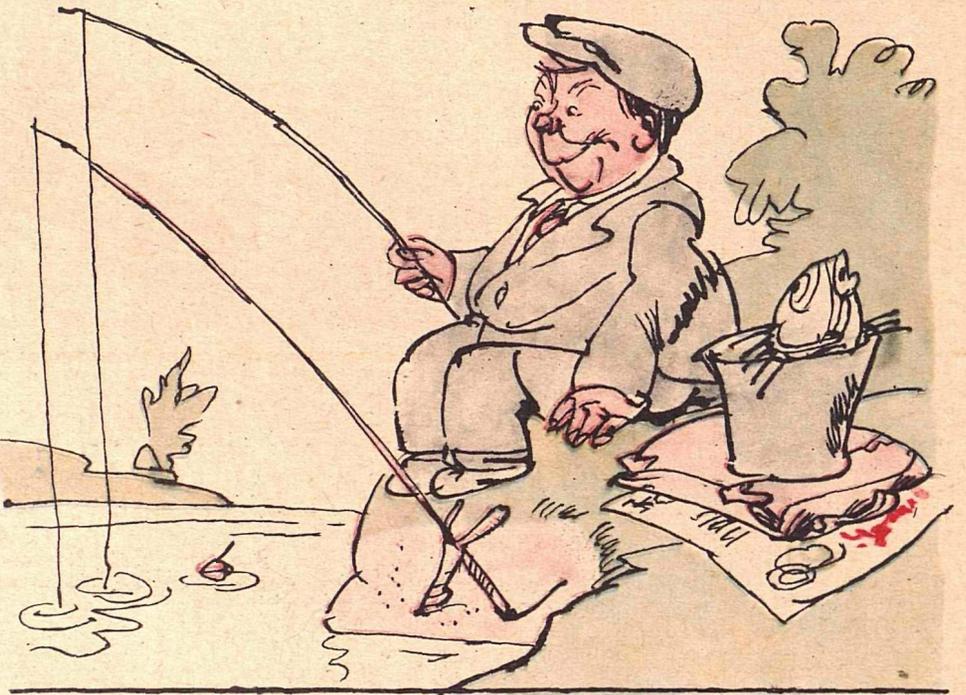
С. РЫЖАК,

специальный корреспондент Кронодила

г. Павлоград.

Отметился...

...и концы в воду.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

«САМОВРЕДЫ»

Слово «самовреды» приобрело довольно широкую известность. Услышать его можно в основном из уст работников обслуживания. Впервые я столкнулся с ним три года назад, когда моя бабушка разбила два плафона у люстры. Пришлось мне пойти в магазин хозяйственных товаров на Могилевском шоссе.

— Выпишите, пожалуйста,— попросил я продавщицу, указывая на матовые стеклянные чашки.— Пять штук.

— А может быть, десять? — с раздражением парировала милостивая девушка.— Эти плафоны — для витрины.

С того дня все свободное время я убиваю на визиты в хозяйственные магазины Минска, но плафонов так и не купил. Одна добрая продавщица, пожалев меня, сказала:

— Вы давно ходите к нам. Избили, наверное, три пары туфель. Лучше бы на эти деньги купили люстру.

— С удовольствием,— ответил я,— но при условии: вместе с комплектом запасных плафонов. А то бабушка опять разобьет...

— Чудак вы,— засмеялась продавщица.— К люстре положен один запасной плафон.

А директор магазина сказал:

— Спрос на плафоны колоссальный, но отдельно мы их не получаем. Так и висит наша люстра без плафонов. И не на кого жаловаться: сами разбили. Значит, «самовреды».

Вторично я услышал это слово в поезде Минск — Вильнюс. Напротив сидела старушка с двумя авоськами пустых бутылон.

— Не выбрасывать же добро,— пояснила старушка.— Когда в Вильнюс погостить едем, везем туда молочные бутылки со щербинками на горлышке. В Минске их не принимают, а в Вильнюсе за милую душу берут.

— Почему же их не принимают? — вступила в разговор проводница.— Неужели минские торговые работники не могут понять, что, снимая крышку из фольги, покупатель не может повредить горлышко? Значит, это производственный брак. И стыдно относить его за счет покупателя.

— Эх, милая! — вздохнула бабушка.— А наши продавцы говорят, что мы сами себе вредим. Да еще обзывают нас самовредами.

Возвратившись в Минск, я сдал в ремонт туфли. Через неделю подошвы отвалились. Пошел на приемный пункт, что на улице Плеханова, а мне говорят:

— Это не наша, а ваша вина: не умеете носить обувь. Поэтому платите снова.

И когда я, заплатив, собрался уходить, из окошка послышалось:

— Ходят тут разные... самовреды. Что же это за слово, какого оно рода, какого склонения?

Мне объяснили, что слово «самовреды» особой категории: будучи именем существительным, оно не имеет единственного числа и существует во множественном числе там, где для этого имеются благоприятные условия. Например, в Минске.

Но только ли в Минске, дорогой читатель?

г. Минск.

А. СЕРДЮКОВ

К ВОПРОСУ О ЗАЧИСЛЕНИИ В ШТАТЫ

ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО КОНГРЕССУ США

Дамы и господа!

Всякому терпению приходит конец. Начиная с пятого июня я, подобно многим другим читателям в разных странах мира, разворачиваю утренние газеты с надеждой увидеть сообщение о том, что вы наконец-то приняли долгожданное решение. Как вы догадаетесь, я имею в виду включение государства Израиль в США на правах пятидесяти первого штата.

Однако прошло вот уже полтора месяца, а известий об этом все еще нет.

Я не допускаю, разумеется, чтобы такая простая и естественная идея, как мысль об учреждении американского штата Израиль — в особенности после того, что произошло за это время на Ближнем Востоке, — не посетила ваши светлые головы. Молчание прессы по этому поводу означает, вероятно, что вопрос обсуждается пока неофициально, за кулисами, в кулуарах. Может быть, даже шепотом.

Это, уверяю вас, напрасная осторожность. В вопросе о зачислении Израйля в ваши Штаты, рассматривай его хоть как внутреннее дело США, хоть в международном плане, нет ничего туманного. Ситуация ясна, как небо над Синайской пустыней.

Начнем с географии. Территория Израйля, надо признать, находится не в пределах американского континента. Но это не беда. Гавайи, например, острова, да притом и отнюдь не англосаксами заселенные, а ведь включили же вы Гавайские острова в Штаты. И ничуть даже не сконфузились. Так что, если Израиль приравнять к острову (почти по учебнику: часть суши, окруженная со всех сторон возмущением мировой общественности), то никакой комар носа не подточит.

Перейдем к истории. Израйлю еще не стукнуло и двадцати лет — возраст для усыновления вполне подходящий. А если вспомнить, что бойкого молодчика сызмальства питали цельным долларовым молочком и с отеческой нежностью дарили ему дальнбойные и скорострельные «игрушки» с ярлычком «Made in USA», то никаких кривотолков насчет законности такого усыновления, конечно же, не возникнет.

Возьмем теперь экономическую сторону. При должном усердии — а такое усердие было только что явление миру в виде вероломной и бандитской агрессии против арабских государств — Израиль вполне может рассчитывать на штатную должность сторожевого пса ваших нефтяных монополий с постоянным, так сказать, окладом жалованья. Игра стоит свеч: ведь на Ближнем и Среднем Востоке есть что сторожить. Соединенные Штаты сейчас контролируют больше половины всей добычи нефти в этом районе, и, заметьте, если стоимость добычи одной бочки нефти в самих США — полтора доллара, то, скажем, в Саудовской Аравии или Кувейте — всего десять центов. Черная нефтяная река ежегодно выплескивает в сейфы американских банков миллиарды долларов. Однако если эту арифметику обожают на берегах Ист-Ривер и Потوماка, то она совсем не в почете поблизости от Нила и Евфрата. Поэтому в рассуждении «Как бы чего не вышло?» обзавестись штатной сторожевой собакой совсем нелишне.

О таких мелочах, как экономика самого Израйля, я уж не буду и упоминать. Вам должно быть хорошо известно, что в конторах «Ампал банка» и «Ампал-Америкэн — Израэл

корпорейшн», прибравших к рукам даже всю внешнюю торговлю Израйля, говорят на чистейшем уолл-стритовском жаргоне.

Затем — обычаи и нравы. Как известно, с первых же дней разбойного нападения на арабские страны израильская солдатня удостоилась на страницах мировой печати сравнения с гитлеровскими убийцами. Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что воинство генерала Даяна подражает в еще большей мере американским головорезам во Вьетнаме. Те же зверства над пленными, такие же способы истребления мирных жителей, да и напалм той же самой марки. А уж, кстати, что касается самого Даяна, то позвольте мне всего лишь процитировать лестную аттестацию, данную генералу одним из вас. Я имею в виду фразу: «Нам следовало бы просить Даяна, чтобы он руководил операциями во Вьетнаме», — сказанную, по свидетельству парижской «Экспресс», «одним из восхищенных американских парламентариев». Стало быть, и с этим вопросом, кажется, все ясно.

Итак, повторяю, с сугубо американской, так сказать, домашней, точки зрения вопрос о зачислении Израйля в Штаты решается без особого труда.

Дамы и господа, что же сказать о международном аспекте этого вопроса? Быть может, вы опасаетесь неблагоприятного резонанса, и только это мешает вам решить его оперативно и по-деловому? Берусь доказать, что эти опасения по меньшей мере несерьезны.

Я понимаю, конечно, что ампула «нейтрального наблюдателя» в арабско-израильском конфликте, невинное ампула, в котором Вашингтон старательно выступал с первых минут израильского «блицкрига», как-то не вязалось бы с решением зачислить Израиль в Штаты. Но, слава богу, все обстоит куда проще! Дело в том, дамы и господа, что историческая арена — это совсем не зал для легкомысленного школьного маскарада, и подлинными главными персонажами нередко обнаруживаются на этой арене тем скорее, чем тщательнее они пытаются играть роли статистов.

Поэтому не стоит щеголять в смехотворном «нейтральном» фраке. Ведь это ваши парни поднатаскали Моше Даяна в Южном Вьетнаме, после чего, между прочим, израильский премьер Эшкол с умилением объявил: «Соединенные Штаты предоставляют нам теперь больше оружия, чем когда бы то ни было за последние годы». Это вы отвалили полтора миллиарда долларов на обстоятельную подготовку Израйля к разбою. Это ваши танки

«Паттон» и «Шерман» ринулись по арабской земле на рассвете 5 июня. Это ваши бомбардировщики «Скайхок» убивали детей и сравнивали с землей деревни.

Впрочем, вы, видимо, хотите сказать, что все это лишь косвенные улики? В таком случае разрешите напомнить сообщения, обобщенные мировой прессой. К примеру:

«Соединенные Штаты подталкивали Израиль прибегнуть к оружию» («Нувель обсерватор», Франция);

«Было разработано несколько предположительных вариантов операций, основанных на результатах исследований, проведенных у службы оперативной разведки НАТО» («Экспресс», Франция);

«Американо-израильское сотрудничество в развязанной Израйлем агрессии было организовано и направлялось ЦРУ» («Филэлефтерос», Кипр).

Итак, дамы и господа, что же еще можно скрыть? Понятно, впрочем, что

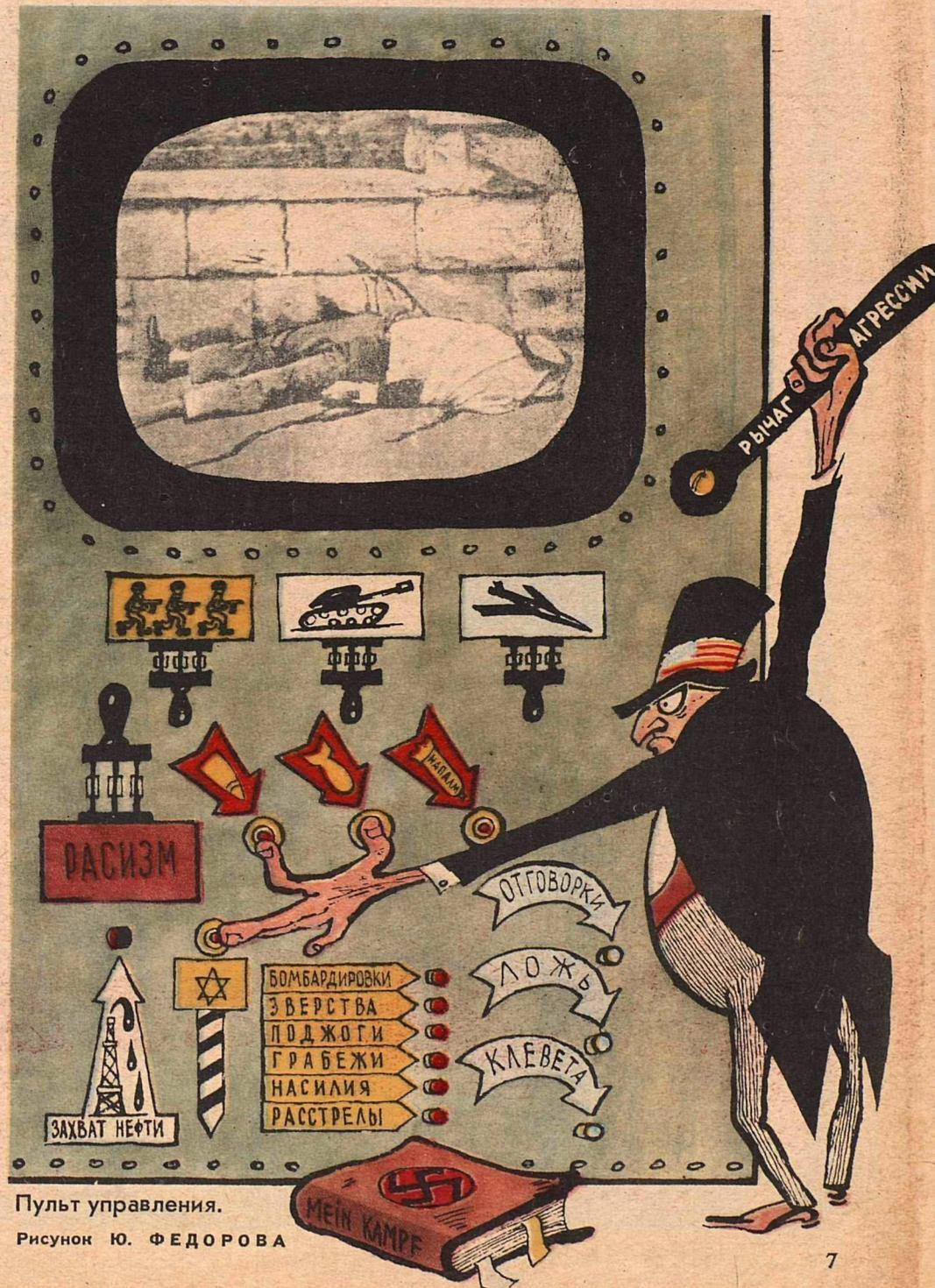
об американском происхождении израильской агрессии вам известно больше подробностей, чем остальному миру; но это обстоятельство не меняет дела. А именно: включение Израйля в Штаты явилось бы понятной и закономерной акцией, закрепляющей трогательный союз между большим и малым агрессорами.

Позвольте в заключение отметить бесспорный плюс такого шага, буде он сделан: гангстерская политика израильских даянов, заставляющая иных непосвященных предаваться размышлениям на тему «Ай, Москва! Знать, она сильна!», тем самым обрела бы своего действительного автора.

Век наш, дамы и господа, достаточно сложен; согласитесь же, что такого рода упрощение пошло бы ему только на пользу.

К чему надевать маску, когда всем известно, кто под маской? Примите и проч.

КРОКОДИЛ

Пуль управления.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ДРЕВНИЙ, НО ВЕЧНО ЮНЫЙ

Ташкенту — одному из древнейших городов Средней Азии — насчитывается около двух тысяч лет. Первые упоминания о нем датируются вторым веком до нашей эры. Однако известно, что еще во времена завоевательных походов персидского шаха Дария I, а точнее, в 519 году до нашей эры, войны проходили через поселения племен хоумаварк шак, которые находились вблизи Яксарта (Сыр-Дарья) и у берегов Перрака (Чирчика).

В знаменитой поэме Фирдоуси «Шахнамэ» сказано, что Рустам-богатырь «взял в руки лук чачский». В «Шахнамэ» поэт, живший в десятом веке, описывал события, происходившие за тысячу лет до него. Великий караванный «шелковый путь» проходил тогда через Чач, позже Шош; так и стал называться город.

Шош превратился в Шаш, а потом получил окончание «кент», то есть «град», и в конце концов стал называться Ташкент. Словом, он не менее известен историкам, чем другие наши города: Самарканд, Бухара, Мерв, — хотя и несколько моложе их.

Мой город никогда не был столицей. Только после Октября он стал столицей и расцвел.

Если бы лет пятьдесят назад взобраться на самые высокие здания города — медресе Кукельтош или Бекларбеги, можно было бы увидеть невысокие плоские крыши, горбатые, потрескавшиеся глиняные дувалы, узкие, кривые улочки, непроходимые зимой и пыльные летом. И возвышавшийся над всем этим купол мечети Лайлак.

Сейчас все эти древности потерялись среди великолепных современных зданий.

Перед вами одна из прекрасных улиц Ташкента — проспект Алишера Навои. Эта улица начинается на востоке города и тянется далеко на запад. И солнце как бы поднимается над ней с одного конца, а садится на другом.

В начале улицы стоит медресе Кукельтош, которому уже четыре столетия (на рисунке — внизу слева). Его хорошо изобразил заслуженный деятель искусств нашей республики Д. Сеницкий, который, кстати, выполнил этот рисунок, вдохновившись «портретами столиц» художника Г. Огородникова, публикуемыми в «Крокодиле».

Напротив Кукельтоша, на другой стороне улицы, вы увидите памятник первому президенту нашей республики, аксакалу Юлдашу Ахунбаеву.

Эта улица, самая красивая и оживленная, ведет к площади В. И. Ленина. Над ней возвышается монумент Владимиру Ильичу, дорогой сердцу каждого узбека.

Рядом с монументом находится здание, в котором происходила историческая встреча глав государств Индии и Пакистана. После этой встречи, организованной по инициативе Советского правительства, мир заговорил о «духе Ташкента». Наш древний город стал символом мира и взаимопонимания.

В нашем городе насчитывается более миллиона жителей. Почва под ним все еще вздрагивает, колеблется. Иной раз город подбрасывает, как крышку чайника, стоящего на огне. Землетрясение, начавшееся 26 апреля прошлого года, окончательно не успокоилось и до сих пор. Эпицентр — под городом. Старые, одноэтажные глиняные дома не выдержали (рисунок внизу). Но устояли основные здания — и современные и древние.

Выстояли и мы, ташкентцы. Хотя на долю Ташкента выпали тяжкие испытания, оказалось, что никакой напор стихии не страшен, если рядом верные друзья. С помощью всех братских республик, протянувших нам руку помощи, мы строим сейчас новый Ташкент — город, который будет столь же прочным, сколь и красивым. И мы уверены, что город наш пройдет еще через много тысячелетий.

По сторонам проспекта Навои тянутся зеленые аллеи, а в скверике, за которым взметнулась вверх ажурная башня антенны телевизионной студии, — памятник великому Алишеру Навои. Чуть поодаль — ребристый цилиндр Дворца искусств, прекрасное украшение Ташкента, с залом на три тысячи мест.

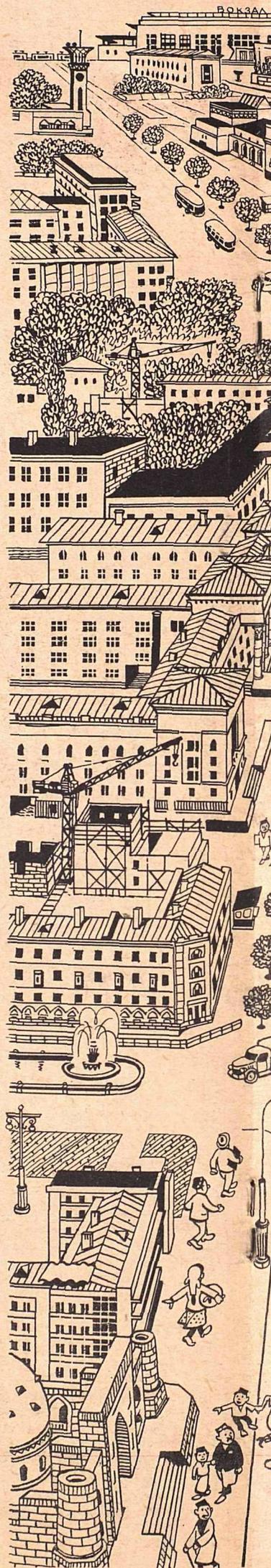
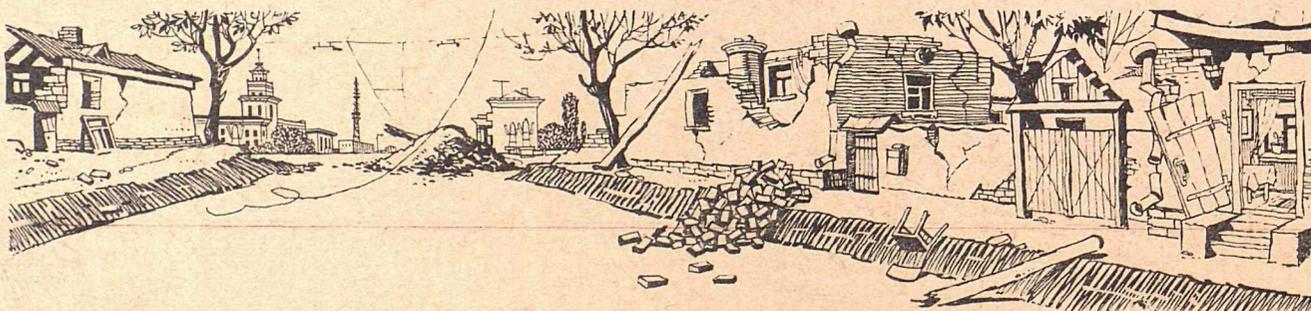
Теперь взгляните немного выше. Над крышей светлого здания, построенного в современном строгом стиле, реют два знамени: СССР и УзССР. Это административное здание на Узбекистанской улице — отличный подарок ташкентцам от наших замечательных строителей.

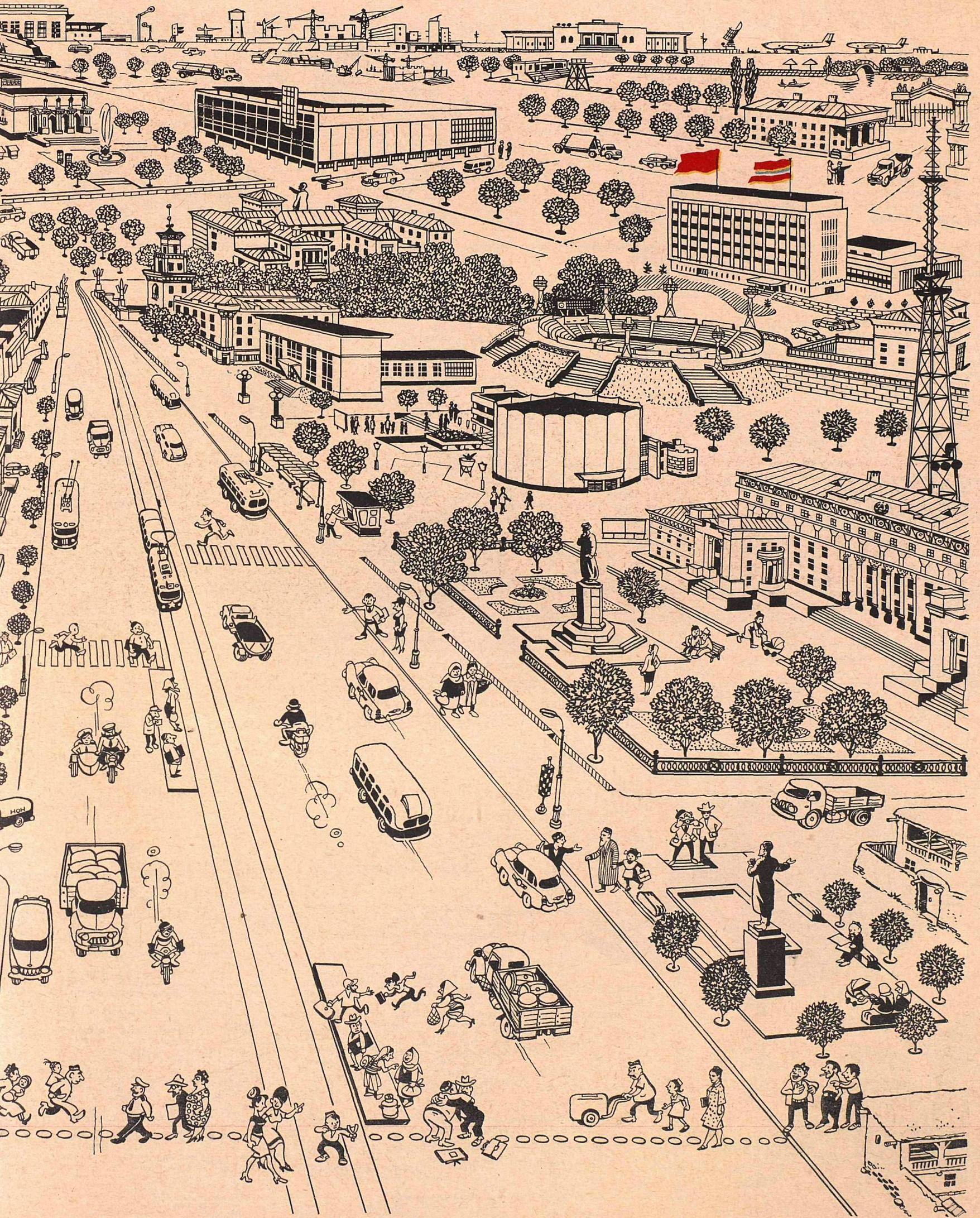
Чуть ниже — вместительная чаша самого крупного стадиона на Востоке. Это хорошо известный в стране (и, разумеется, в первую очередь болельщикам!) центральный стадион «Пахтакор». После реконструкции на его трибунах смогут расположиться сто тысяч зрителей. Недалеке от стадиона несет свои прохладные, быстрые воды Урда-анхори — наша, так сказать, Москва-река. Берега ее скоро оденутся в гранит, а широкая полоса зелени протянется далеко по обоим берегам.

По левую сторону проспекта видны здания Центрального телеграфа, Министерства сельского хозяйства, других министерств и ведомств. Еще дальше вы увидите Большой государственный театр оперы и балета имени Навои, ташкентские куранты, вокзал, аэропорт и, конечно же, краны. Стрелы башенных кранов в Ташкенте увидишь всюду, куда только ни помотришь.

Если хвалить Ташкент, можно хвалить долго даже небольшую его часть, которую вы видите на рисунке. Но у нас говорят: лучше один раз увидеть, чем тысячу раз услышать. Приезжайте сами в Ташкент, в мой город хлебный, гостеприимный и мирный, мужественный и прекрасный.

Походите по его улицам, утопающим в зелени и цветах, отведайте сладких плодов наших. И будьте уверены, гостеприимные ташкентцы встретят вас душевно, сердечно, с широко распростертыми братскими объятиями!

«ПТИЦЕЛОВ»

Жил в одной лесной округе
Знаменитый птицелов.
В чаще, где поют пичуги,
Был весь день бродить готов.

Год за годом проходили.
Так и жил бы птицелов,
Но однажды предложили:
— Возглавляй, Михеич, клуб.

Он ответил дружелюбно:
— Не осилю этот труд.
Смыслю я в вопросах клубных,
Как в ботанике верблюдов.

Убеждали снова:
— Сможешь,
Справишься наверняка!
Долго маялись, но все же
Уломали мужика.

План прочтя, ввели в детали,
Молвив: — Выручил ты нас.
Ключ с замком от клуба дали,
И сказали: — В добрый час!

За работу взявшись круто,
Он ходил из зала в зал,
И из рук ни на минуту
Клубный план не выпускал.

Поглядел на стенд «Металлы»
Только старый дед Степан...
Но завклубом горя мало:
Он поставил «птичку» в план.

Говорил о Ватикане
Лектор. В зале — пять девчат...
Вновь вспорхнула «птичка»
в плане,
Становясь с другими в ряд.

Обсуждали повесть «Фея»
Человек примерно шесть...
Ликовал опять Михеич:
Снова в плане «птичка» есть.

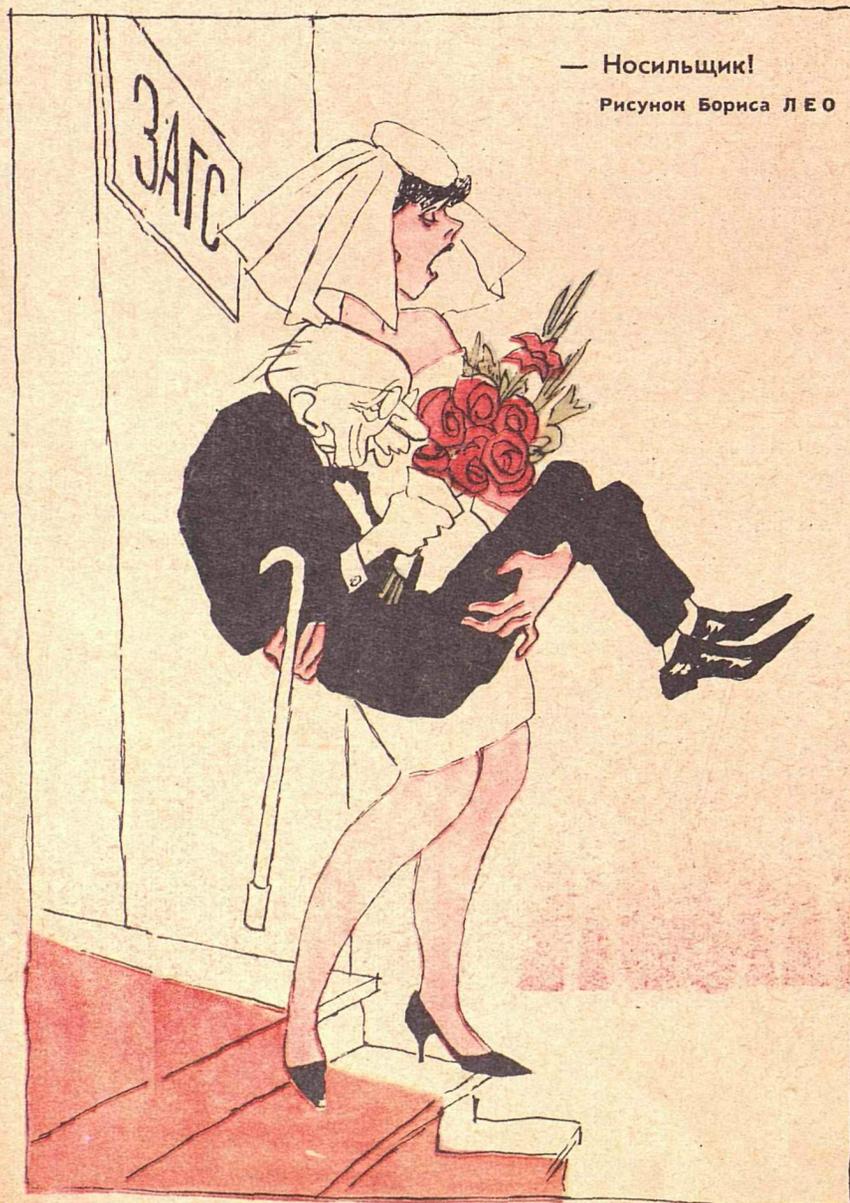
В план пичугу за пичугой
Ставит он без лишних слов,
И зовут его в округе,
Как и прежде, «птицелов».

Вп. КАПНИНСКИЙ

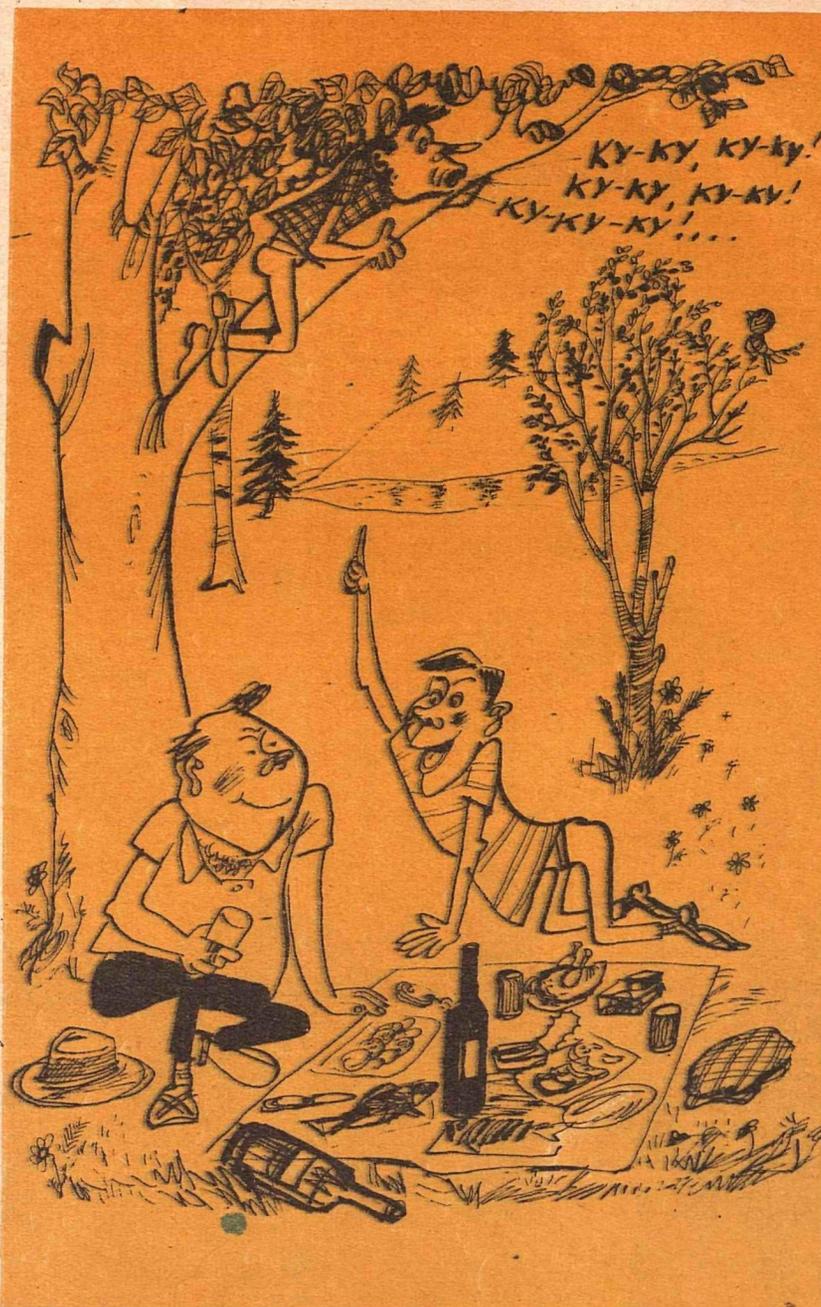
СОН

На севере, где-то в районе
Арбата,
Осями присев на кирпич
И снегом сыпучим одетый, как
ватой,
Стоит в переулке «Москвич».

И снится ему, как в Тбилиси
далеком,
Не зная жилищных невзгод,
Сверкая на солнце эмалевым
боком,
Прекрасная «Волга» живет.

— Носильщик!
Рисунок Бориса ЛЕО

— Долго еще вам быть у нас начальником, Иван Иванович!
Рисунок Б. САВКОВА

Вл. ПАНКОВ

Не Коровин, а Морковин

В трамвае водителя Коровина кто-то оставил бумажник.

К сожалению, такие случаи еще происходят, отдельные растяпы еще встречаются.

Коровин, несмотря на утвердившуюся за ним не очень лестную славу, о находке заявил немедленно, без сомнений и колебаний, чем очень озадачил весь коллектив трамвайного парка во главе с директором. Дело в том, что Коровин не был у директора на хорошем счету, изредка злоупотреблял спиртными напитками, и этот благородный поступок все равно не смог поколебать то сложившееся о нем мнение, которое, извините, о нем уже сложилось.

Тогда директор встал и сказал: — Друзья мои! У Коровина в этом месяце на счету ряд случаев, когда он настойчиво злоупотреблял спиртными напитками. Как вы считаете, достоин ли Коровин на отчетный период найти бумажник?

— Пусть сначала исправится, а потом находит! — крикнули с места.

— Проголосуем? Только хотели поднять руки, как вбегает в кабинет диспетчер Кукушкина.

— Товарищ директор, беда. Обещают сегодня с телевидения нагрнуть. Хотят снять три эпизода:

нахождение бумажника, обсуждение в коллективе и вручение потерпевшему.

— Дело осложняется, — посерьезнел директор. — Как бы Коровин нас не подвел! Ведь запросто может на радостях злоупотребить... Я предлагаю подобрать достойную кандидатуру, способную найти бумажник как следует. Какие будут предложения?

— Морковина! — предложил чей-то голос.

— Вот! — обрадовался директор. — Это то, что надо. Кто может охарактеризовать Морковина?

«Голос с места» встал и принял характеризовать выдвинутого: — Морковина я знаю давно. Он принципиальный. На хорошем счету у товарища директора. Не злоупотребляет. Нагрузки не несет... Разные... Недавно квартиру получил.

— Вот! — поднял палец директор. — Это очень важно. Потому что появляется возможность снять четвертый эпизод: герой в семье. Я этих телевизионщиков знаю. Им эта находка понравится!

— Товарищ директор, а как же быть с Коровиным?

— Коровину я все объясню. Объясню, что бумажник не находка отдельных лиц, а большое дело целого коллектива. Сумею убедить его, как миленького!

karuzela

Польский город Лодзь издавна славился своими текстильными фабриками.

С некоторых пор с ткацкими станками здесь стала соперничать карусель. Появившись в Лодзи десять лет назад, местная «Карусель» набрала скорость, и сразу обнаружили первые пострадавшие: бюрократы, хулиганы, стяжатели, а также западные реакционеры,

ВЕСЕЛАЯ КАРУСЕЛЬ

реваншисты, милитаристы и прочая нечисть.

И уже вскоре любители сатиры во всей Польше, читая острые фельетоны и разглядывая смешные рисунки,

говорили: «Ну и карусель!»

Начав с тридцати тысяч, лодзинский сатирический журнал приобрел широкую популярность и теперь достиг тиража 420 000 экземпляров. В нем постоянно сотрудничают более семидесяти литераторов и художников.

С некоторыми из них мы знакомим сегодня читателей «Крокодила».

Войцех ДРЫГАС

Одна буква

— Через минуту произойдет одно из самых важных событий вашей жизни. Но прежде мы проверим ваши документы. Ну-с,— торжественно сказал лысый канцелярист, обращаясь к понашлившему усачу,— тут написано, что вы Мария Прилужский... Мария? — добавил он сурово.— Почему Мария? Какая Мария?

Усач прижал руки к животу, словно силась выжать слова, уязвие где-то глубоко в районе диафрагмы.

— Никакая не Мария,— вынашлял он,— а Марьян. Обыкновенный я Марьян!

— Какой же вы Марьян, если тут написано Мария?

— Это описка. Уж вы, пожалуйста, допишите букву «н» сами.

— Что? — взорвался лысый.— Подделка документов? А вы знаете, что вы сами будете за это отвечать? Получите лет пять, не меньше! Личный пол гражданина,— он снизил голос,— это вам не шутка. Если у кого пол не в порядке, так ему лучше сюда не соваться!

— То есть как так не в порядке? — вышла вперед вспылчивая женщина.— Он проходил военную комиссию. Ведь проходил, Манюш?

— Конечно.

— Это еще ни о чем не говорит,— отмах-

нулся лысый.— В метрине значится Мария, следовательно, пол женский.

— Да какая из него женщина?! Он мужчина! Скажи ему, Манюш, что ты мужчина!

— Ну вот еще, буду я хвастаться...

— Эх ты, баба!

— Что я говорил! — обрадовался лысый.— Уж будьте уверены, я свое дело знаю!

— Допишите мне «н», — жалобно заскулил усач.— Что вам стоит!

— Как я могу это сделать, если я не могу этого сделать? — возразил лысый.— Если у вас чего-то не хватает, я тут ни при чем. Надо иметь все, что положено.

— Что же нам делать? — спросила женщина.

— Есть только один выход. Я могу поженить его с особой мужского пола, тогда пол будет соответствовать его документам. А поженившись, он тут же подаст заявление о разводе.

— Боже мой! — вскричала женщина.— А что станет со мной, если вы его потом не разведете?

— Да вы-то тут при чем?

— Как при чем! Я его жена!

— Жена? Так какого черта вы пришли сюда жениться?

— Жениться? — вытаращила глаза женщина.— Зачем нам жениться? Мы пришли, чтобы получить ордер на новую квартиру. Вот извещение.

— А черт возьми! Вы не туда попали. Ордера — вторая дверь направо. Здесь загс, понятно? Загс!..

— Бюрократы! — крикнула женщина.— Сперва говорите, что у человека не тот пол, а потом, что он не туда попал!..

Ян ШТАУДИНГЕР

Фрашки

МЕРА ВРЕМЕНИ

Грозный бег времени кто бы заметил,
Если б не зеркало, если б не дети!..

СЕНТЕНЦИЯ

Пьют нашу кровь, вымещая свой гнев,
Чаще комар да блоха, чем лев.

НЕ СПОРЬ!

Не спорь с женой, хоть ты и прав стократ.
Жена — и прокурор и адвокат.

АКТИВНОСТЬ

Что ни событие, ни вежа,
Он вмиг откликнется... как эхо.

С ЕЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Уже давно вошли в года мы,
Увы, иного мнения мамы.

СЧАСТЬЕ

Адам, Ева
И древо.

Боннский взгляд на мир.

Рисунок К. БАРАНЕЦКОГО

Веслав ТЖАСКАЛЬСКИЙ

СИДЯЧАЯ РАБОТА

С Толиком я познакомился на вечеринке у Ковальских. И сразу его полюбил. Должен признаться, что такого веселого человека мне еще никогда встречать не приходилось. Он был в полном смысле слова душой общества. Развлекал всех до рассвета. А потом вдруг покинул нас на четвереньках.

— Толуюююююш! — закричали мы душераздирающими голосами.

И бросились вслед за ним, умоляя, чтобы он возвратился, чтобы остался с нами еще хоть несколько минут. Но где там! Он лишь помахал на прощание рукой, потом ногой — и колесом покатылся вниз по ступеням.

— Он уже на третьем этаже... На втором... — информировал нас Ковальский, а когда глухой стук затих и лестничная клетка наполнилась проклятиями и стонами, он объявил с облегчением: — Все в порядке, он уже внизу.

С опущенными головами вернулись мы в комнату, которая теперь казалась чужой и пустой.

— Ну, головы выше! — утешил нас Ковальский, наполняя стопки. — И не сердитесь на него за это. Толик — человек исполнительный. Он не мог больше оставаться с нами. Ему надо было идти на работу.

Мы расхохотались.

— Ну, Ковальский, вы шутник!

— Почему шутник? — обиделся Ковальский. — Я говорю серьезно.

— Не хотите ли вы сказать, что в таком виде он отправился на работу...

— Именно! Вы не знаете Толика! Он очень добросовестный. И никогда не прогуливает. Идет на работу даже на четвереньках.

От удивления мы не могли вымолвить ни слова. Наконец я воскликнул:

— Но как же он будет работать? Ведь он не держится на ногах!

Ковальский покровительственно улыбнулся.

— Эх, вы, наивный... А зачем ему держаться на ногах? У него работа сидячая — он шофер.

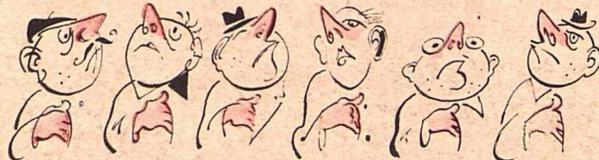

Сеятель.

Рисунок С. ИБИС-ГРАТКОВСКОГО

Сплошное начальство

В купе поезда под стук колес текла ленивая беседа.

— Стало быть, так, пан председатель,— сказал пассажир в берете.

— Вот то-то и оно, пан директор,— подтвердил пассажир в спортивной куртке.

— А как может быть иначе? — вмешался в разговор сидевший рядом пассажир с металлическими коронками на зубах.

— Только так и бывает,— кивнул головой четвертый пассажир, державший длинную удочку в футляре.— Только так.

Наступило продолжительное молчание. Наконец пассажир с удочкой обратился к пассажиру в спортивной куртке.

— Вот уж довольно долго мы едем вместе, беседуем о том о сем, а до сих пор не знакомы. Пан директор,— он поклонился пассажиру в берете,— и пан председатель,— он поклонился пассажиру в куртке,— позвольте представиться: я секретарь Обжут.

— Тогда разрешите представиться и мне,— сказал гражданин с коронками.— Я заведующий Пацут.

Пассажир, которого называли директором, пожевал губами и спросил пассажира с коронками:

— Эээ... чем же вы заведуете?

— Секцией в меховом магазине. А вы, пан директор, чего вы директор?

— Директор кондитерского мага-

зина. А вы, пан с удочкой, вы секретарь чего?

— Я секретарь городского общества рыболовов-любителей.

— Ну а я,— сказал гражданин в потертом плаще, сидевший напротив меня,— я держу в своих руках бразды правления.

— Правления чем, простите?

— Конем. Я возчик.

— О, да мы в прекрасном обществе! — воскликнул молодой человек в клетчатой ковбойке и обнял за талию свою жену.

— А вы кто будете? — спросил управкомем.

— Я ассистент. А моя жена, таким образом, ассистентша.

— Ассистент кого или чего? — поинтересовался пассажир с удочкой. Молодой человек поправил галстук.

— Я ассистент отдела молочных продуктов. Принимаю пустые бутылки.

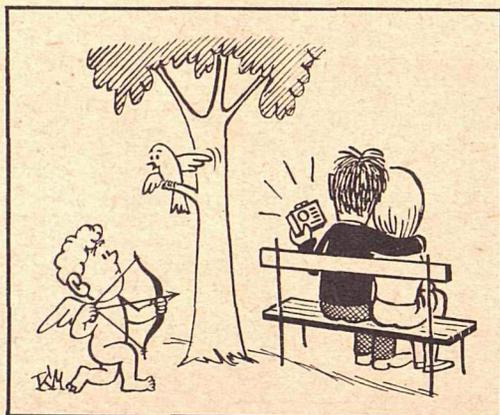
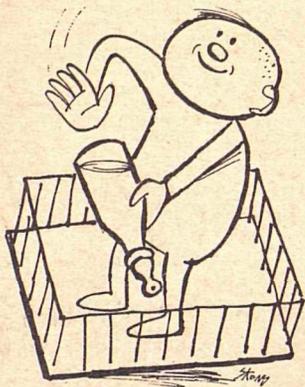
Опять наступило молчание. За окнами быстро стемнело. Месяц, видимо, решив, что и ему пора представиться обществу, выглянул из-за гор.

— А я, уважаемые,— словно бы говорило его улыбающееся лицо,— я, пан директор, пан председатель, пан заведующий, пан секретарь, пан ассистент и все едущие в этом поезде инженеры, врачи, адвокаты, я просто ущербный месяц на осеннем небосклоне.

Я сидел молча в углу, закрыв лицо полами плаща, чтобы соседи не видели, что я тоже здесь.

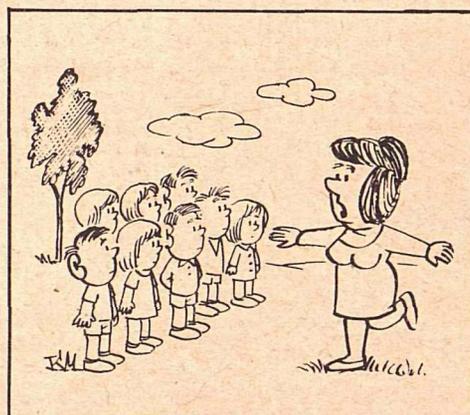
Ибо как я мог представиться моим попутчикам, если был самым рядовым гражданином! И попал в это избранное общество только благодаря железнодорожному билету. И в Лодзь ехал по пустяковой причине: чтобы заплатить штраф за переход улицы в непопозволенном месте...

Рисунок Н. СКОНЕЧНОГО

Соловей: — Целюсь в транзистор!

Рисунки К. МОЗОЛЕВСКОГО

— Аиста, дети, очень легко узнать. Он такой.

Гораций САФРИН

Козлы и вежливость

Как в старой сказочке, на мостике дощатом Сошлись два козлика, привыкшие к дебатам. Известно было им еще из школьных басен, что спор на мостике для козлов опасен. Ведь козлик с козлом подрались рад стараться,

Ну, а подравшись, можно в речке оказаться. Но эти козлики, печальный помня опыт, Не стали ссориться и друг на друга топтать, А стали вежливо, беззубо и безрого Друг другу кланяться и уступать дорогу. И так расшаркивались, бляя, как овечки, Что мостик рухнул и козлы утопи в речке.

Мораль сей басенки я выразил бы кратко: Учтивым будь, но не забудь про мостик шаткий...

Адам ОХОЦКИЙ

ЕДУТ ГОСТИ

— Итак, товарищи,— открыл общее собрание директор универсама,— мы вступили в международный год туризма. Не успеет оглянуться, как к нам в Лодзь поедут гости из-за границы. А мы? Мы не сумеем с ними даже объясниться, потому что не знаем иностранных языков.

— Я знаю латынь,— подал голос Тжимель из галантереи.

— Латынь уже давно не иностранный язык. На латыни далеко не уедешь.

— Филипчак знает английский! — крикнул кто-то из угла зала.— Товарищ Филипчак, подойдите поближе! Чего стесняетесь!

Старый Филипчак из отдела предметов домашнего обихода несмело протиснулся к столу президиума.

— Пожалуйста, пожалуйста... Директор приветливо вытянул руки.— Вы действительно знаете английский, товарищ?

— Э литл, пане директор... Это значит: пардон, так себе.

— Прекрасно! Боевое задание, товарищ Филипчак! Составьте краткий словарь самых распространенных выражений, употребляемых

в нашем универмаге, и переведите их на английский. Понятно? Мы этот словарь размножим на пишущей машинке и раздадим во все торговые отделы...

Старый Филипчак приступил к работе. Через неделю словарь был готов. Как этого хотел директор, словарь охватывал выражения, чаще всего употреблявшиеся продавцами при общении с покупателями. Вот они:

«Не знаю».

«Нет».

«Были, но все вышли».

«Я не гадалка».

«Похудейте, и сорочка станет в самый раз».

«Не видите разве, что у меня обед?»

«С витрины не снимаем».

«Надо было смотреть, что брали».

«У меня не сто рук».

«Я не могу разорваться».

«Нолбаса не фиалка, что бы ее нюхать».

«Нечего на пальто пенять, коли спина кривая».

«Жалобы принимаются в дирекции только по первым понедельникам каждого месяца».

Директор был очень доволен. Внимательно прочитав все, он пожевал губами и сказал:

— На всякий случай переведите на английский следующую вывеску: «Перечет. Ближайший универмаг в городе Жешуве».

Теперь международный год туризма нам не страшен.

Веслав ТЖАСКАЛЬСКИЙ

Все на свете

В счастливую пору влюбленности они укрывались в тенистых уголках парка и, прижавшись друг к другу, шептались:

— Дорогая!

— Дорогой!

— Звездочка!

— Сокровище!

— Ангел!

— Котик!..

Потом она умолкала, а он, поглаживая ее волосы, продолжал шептать:

— Ты для меня все на свете!

О святая наивность! О заблуждение юности!

Увы, в это время она еще не была для него ничем. И только после свадьбы стала всем!

И прачкой, и кухаркой, и судомойкой, и белошвейкой, и горничной, и санитаркой...

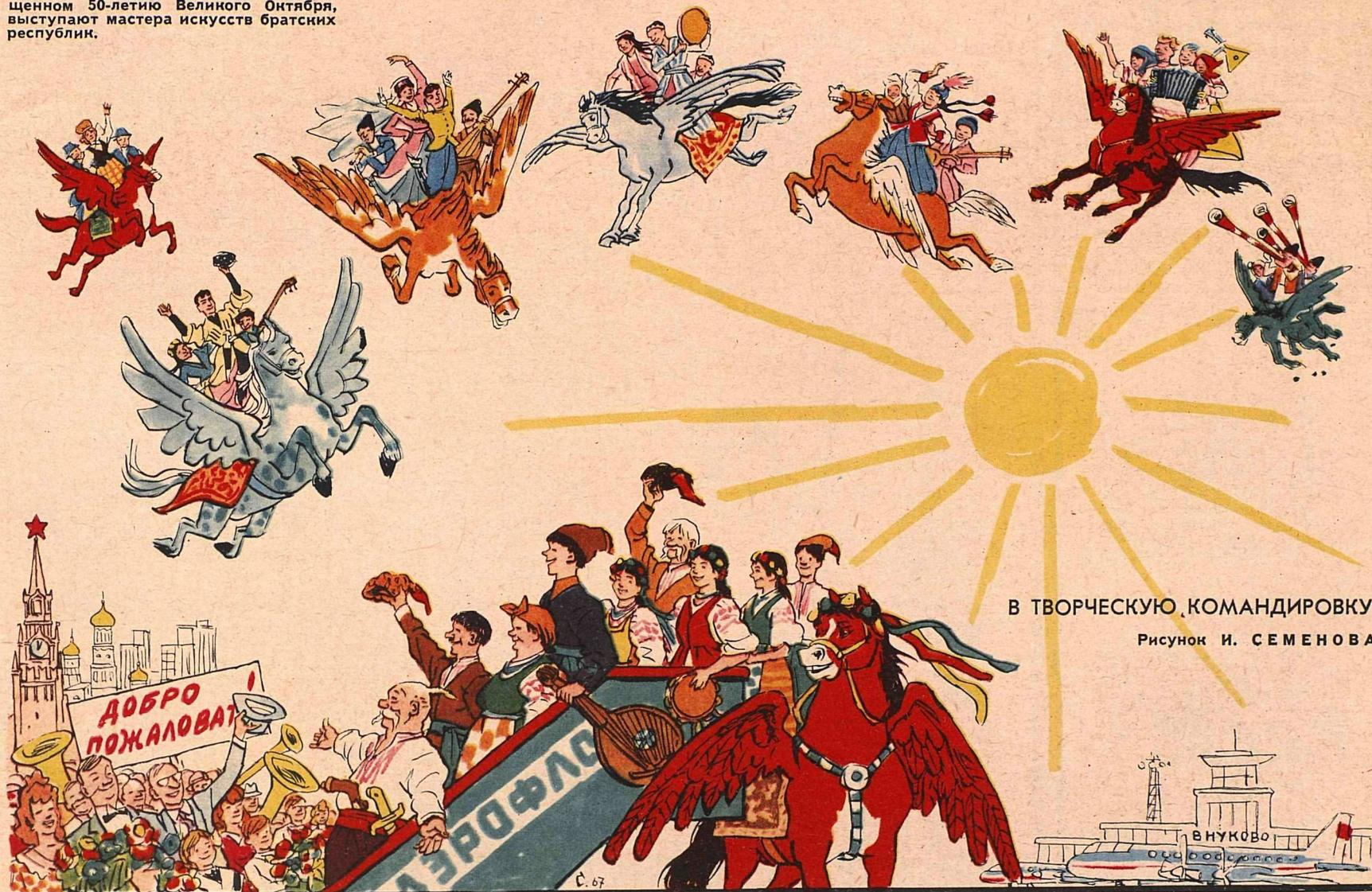
Что! Достаточно!..

А ведь и это еще не все.

karuzela

Переводы с польского Н. ЛАБКОВСКОГО.

На проходящем в Москве национальном празднике дружбы, посвященном 50-летию Великого Октября, выступают мастера искусств братских республик.

В ТВОРЧЕСКУЮ КОМАНДИРОВКУ

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ПРОБЛЕМА ПЛЮСА-МИНУСА

Врач прописал мне очки от близорукости: минус два. «Буду носить очки!» — с радостным волнением подумал я и помчался в оптический магазин.

— Минус два нет, — сказали в магазине. — Есть минус три.

— Носите то, что есть, — посоветовал человек в пенсне. — В конце концов ко всему привыкают.

Я стал носить очки минус три, стараясь ко всему привыкнуть. В результате мне вскоре прописали минус четыре.

— Минус четыре нет, — сказали в магазине, — есть минус семь для больных глаукомой.

— Берите! — посоветовал человек в пенсне. — В конце концов с кем-нибудь обменяетесь.

Я последовал его совету. Вскоре мне удалось обменять минус семь (глаукомные) на минус шесть (солнцезащитные), которые затем я обменял на минус пять (детские) и, наконец, на минус четыре (обыкновенные), но зато в золотой оправе.

Правда, потом оказалось, что это плюс четыре... Пришлось отдать их за первый попавшийся минус, а именно: за минус семь (опять глаукомные).

— Это судьба! — воскликнул человек в пенсне. — Сходите к врачу. Не сомневаюсь: вам уже нужен плюс!

То, что я услышал от врача, привело меня в трепет. Оказывается, мне уже нужны были комбинированные очки, целый комплекс минусов: отдельно на левый глаз, отдельно на правый, отдельно для близких расстояний, отдельно для дальних.

Таких очков я, разумеется, не достал и в зависимости от обстоятельств (расстояния до рассматриваемого предмета) старался комбинировать сам. Чтобы не запутаться, составил специальную таблицу на каждый глаз в отдельности, с помощью которой мог сравнительно быстро определить, какую примерно комбинацию очков надеть мне в данный момент. Бывало, по две пары очков надевал, а то и по три. Держал я их в портативном хранилище, которое с помощью ремня удобно закреплялось на спине.

С годами хранилище пополнялось. И вот наконец настал день, когда у меня в наличии оказался полный комплект очков: все существующие в оптике минусы, а также, на всякий случай, все существующие плюсы. С некоторым злорадством я направился к врачу.

— Что ж, у близоруких с годами дело улучшается, — заметил он и до-

бавил: — Вам теперь вовсе не нужны очки.

Поделиться своей радостью я зашел в оптический магазин. Мое хранилище вызвало изумление у всех, особенно у продавцов.

— И минус два у вас есть?

— И два с четвертью?

— И плюс четыре с половиной?!

— Полный комплект очков, — скромно сказал я.

— Вы стали обладателем уникальнейшей коллекции! — торжественно воскликнул человек в пенсне.

«ЛИНЗА»

ВЗЫСКАНИЕ

— Жалобную книгу! — потребовал вошедший в кабинет посетитель.

— Прошу садиться, — широко улыбаясь, сказал директор универмага. — Не могу ли узнать, чем вы недовольны?

— Можете. Недоволен грубостью работников вашего магазина. Я попросил продавщицу помочь мне выбрать подарок для моей знакомой. А продавщица ответила: «Я не обязана знать вкусы вашей знакомой. Могу сказать, что ее и мой вкус (при этом она внимательно посмотрела на

меня) очень расходятся. Выбирайте сами».

— Так и сказала? Ай-яй-яй! Я этого так не оставлю. Объявлю ей выговор.

— А это не очень строгое взыскание?

— Строгое? Что вы! Мы еще лишим ее премии.

— Мне кажется, что это уже слишком, — примирительно сказал покупатель.

— Никакого лишка. Покупатель высказал жалобу, и я обязан соответствующим образом отреагировать. Вот мое решение: уволью ее, и весь разговор.

— Ну это уж чересчур! У вас нет для этого основания, — решительно возразил посетитель.

— Как нет? А ваша жалоба? Я не могу оставить ее без последствий.

— Да ведь жалобу я еще не написал. И вообще раздумал ее писать.

— Нет, нет! Вот вам книга жалоб и предложений. Пишите, прошу вас.

— В таком случае я напишу благодарность продавщице и лично вам. Продавщице за остроумие, а вам за быстрое реагирование на жалобы покупателей.

Приняв от посетителя книгу, директор вызвал секретаря и распорядился:

— Подготовьте приказ о премировании продавщицы Носиковой. За неделю третью благодарность от покупателей получила.

«КОЛЬЦО»

ПРОСТО АНЕКДОТ

Ученикам одной лондонской школы задали сочинение на тему «Если бы я был директором фирмы». Все ребята усердно заскрипели перьями, и лишь Томми сидел сложа руки.

— Почему ты не пишешь? — спросил у него учитель.

— Жду секретаршу, — ответил тот.

Одна американская фирма с гордостью объявила, что ее сотрудники по сигналу учебной воздушной тревоги покинули здание в рекордно короткий срок — за три минуты десять секунд. Однако на другой день рекорд был побит: после звонка, возвестившего конец рабочего дня, здание опустело за две минуты.

Репортер одной швейцарской газеты сообщил из зала суда: «Обвиняемый приговорен к пожизненному тюремному заключению. При этом ему зачтен 191 день ареста, пока длилось следствие».

На уроке физики учитель, собираясь объяснить принцип работы ГЭС, говорит:

— Знаете ли вы, дети, как люди с помощью воды получают свет?

Петя поднял руку: — Знаем: надо вымыть окно водой.

Молодожен купил своей жене веник. Повертев его в руках, она спросила:

— А где же инструкция?

Браун женится во второй раз. Он спрашивает своего маленького сына:

— Ну как, Сэмми, нравится тебе твоя новая мама?

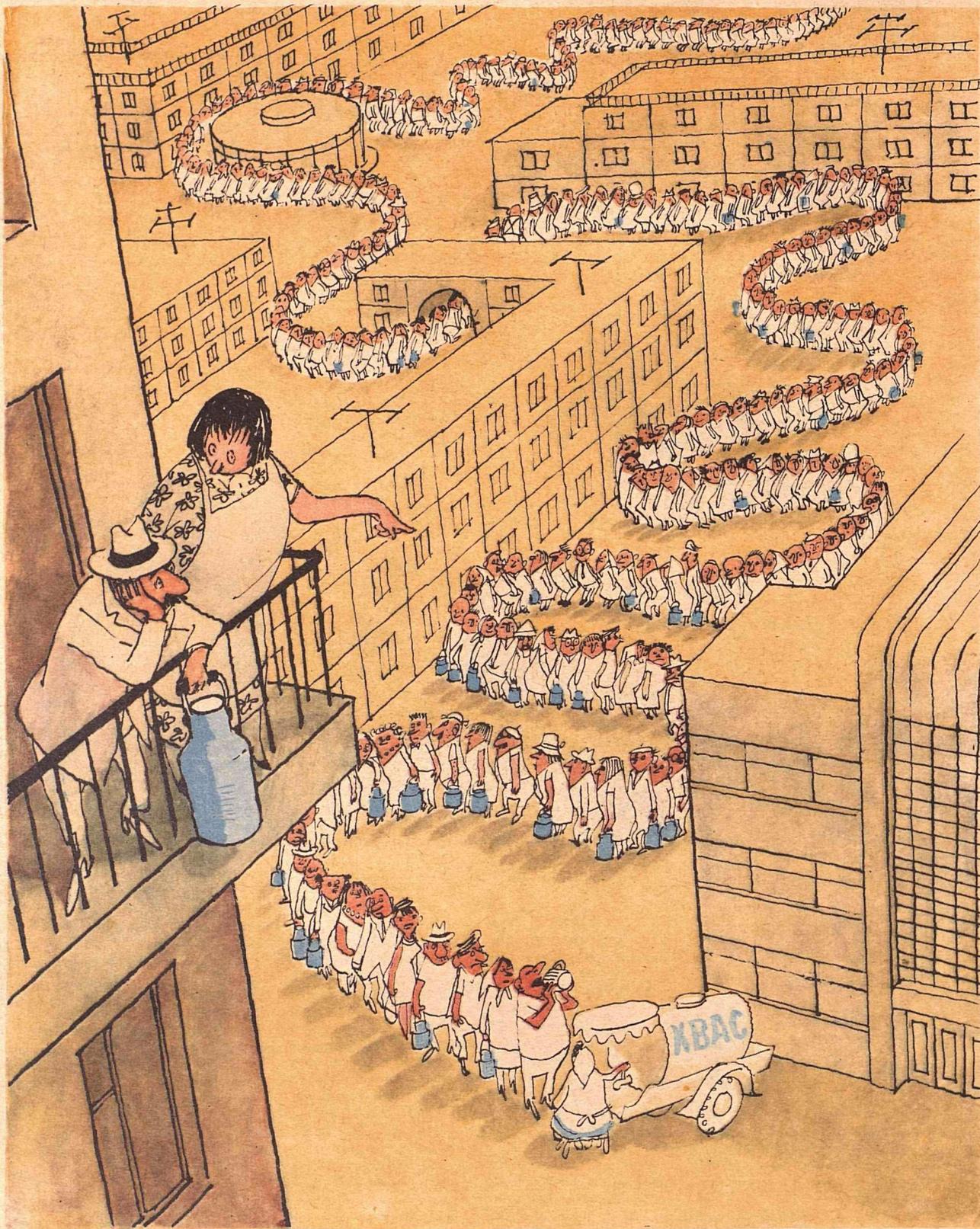
— Папочка, я думаю, что тебя обманули. Она не такая уж новая.

На научном конгрессе разговаривают два профессора.

— Грустно, если замечаешь, что во время твоего доклада кто-то поглядывает на часы.

— О, да! Но еще грустнее, если видишь, как слушатель встряхивает свои часы, чтобы удостовериться, что они не остановились!

— Ты любишь своего мужа?
— Конечно. Я вообще люблю мужчин.

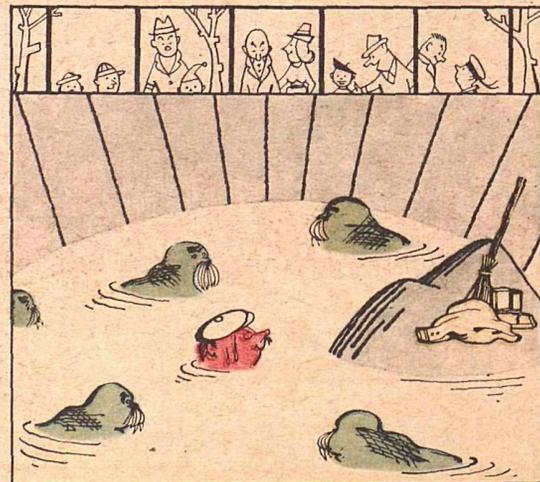

— Возьми такси и поезжай, займи очередь!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ЖАРКО!

40°

В зоопарке.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

**журнал
Выходит
три раза
в месяц**

Темы рисунков этого номера разработали:

А. Баженов, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, В. Птицын, В. Тильман, Ю. Федоров, Е. Шабельник.

наш адрес:

МОСКВА А-15
Бумажный проезд
д.14

ТЕЛЕФОН Д 0-10-86

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(ответственный секретарь)
Б. А. ЕГОРОВ
(зам. главного редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОЦЕВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00148.
Подписано к печати 8/VII—67 г.
Формат бумаги 70×108/8.
Объем 2,80 усл. л.
Тираж 4 600 000 экз.
Изд. № 921.
Заказ № 2034.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Встал утром, глянул в зеркало — сэм себя не узнал. Решил на работу не идти, потому что физиономия моя не сходилась с фотографией на пропуске».

(Из объяснительной.)
Прислал В. ЛЮТЫЙ.

г. Северодонецк.

«Необходимо всем ИТР и служащим нашего завода включиться в борьбу за ликвидацию приписок в нарядах и снизить процент приписок».

(Из протокола
производственного совещания
на рыбозаводе.)

Выписал Г. МИСТРЮКОВ.

Бухта Лаврова,
Камчатской области.

«Награжден доской почета».

(Запись в трудовой книжке.)

Копию снял В. ЖИДКОВ.

г. Донецк.

(Ценник «Кальмар в масле».)
Прислал Я. ЯНКЕВИЧ.

г. Харьков.

«Подсудимый вел исключительно символический образ жизни».

(Из выступления
общественного защитника
в суде.)

«Таким образом я и остался за бортом разбитого корыта».

(Из заявления в суд.)
Выписал И. ЧАБАНОВ.

Краснодарский край.

«Оштрафован за то, что неправильно толкнул женщину».

(Из документов
товарищеского суда.)

Переписал С. ДОРОФЕЕВ.

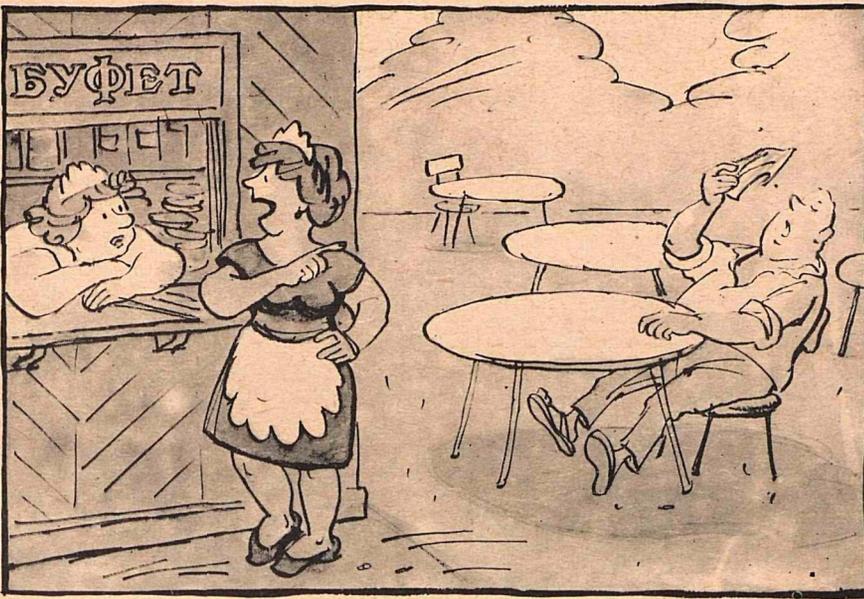
Село Молчаново,
Томской области.

«Тракторист Решетников при выходе с пересмены в ночь с 4 мая завелся от пускача, был исправным, вышел в борозду первым и после того, как вспахал 3 га, произошла поломка».

(Из объяснительной записки
главного инженера совхоза.)

Копию сняли
А. ГОНЯЕВ, Ю. ХУДОЛЕИ.

Алтайский край.

— Вот так же один сидел, сидел, и вдруг хлоп — солнечный удар!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Воды!

Рисунок И. СЫЧЕВА

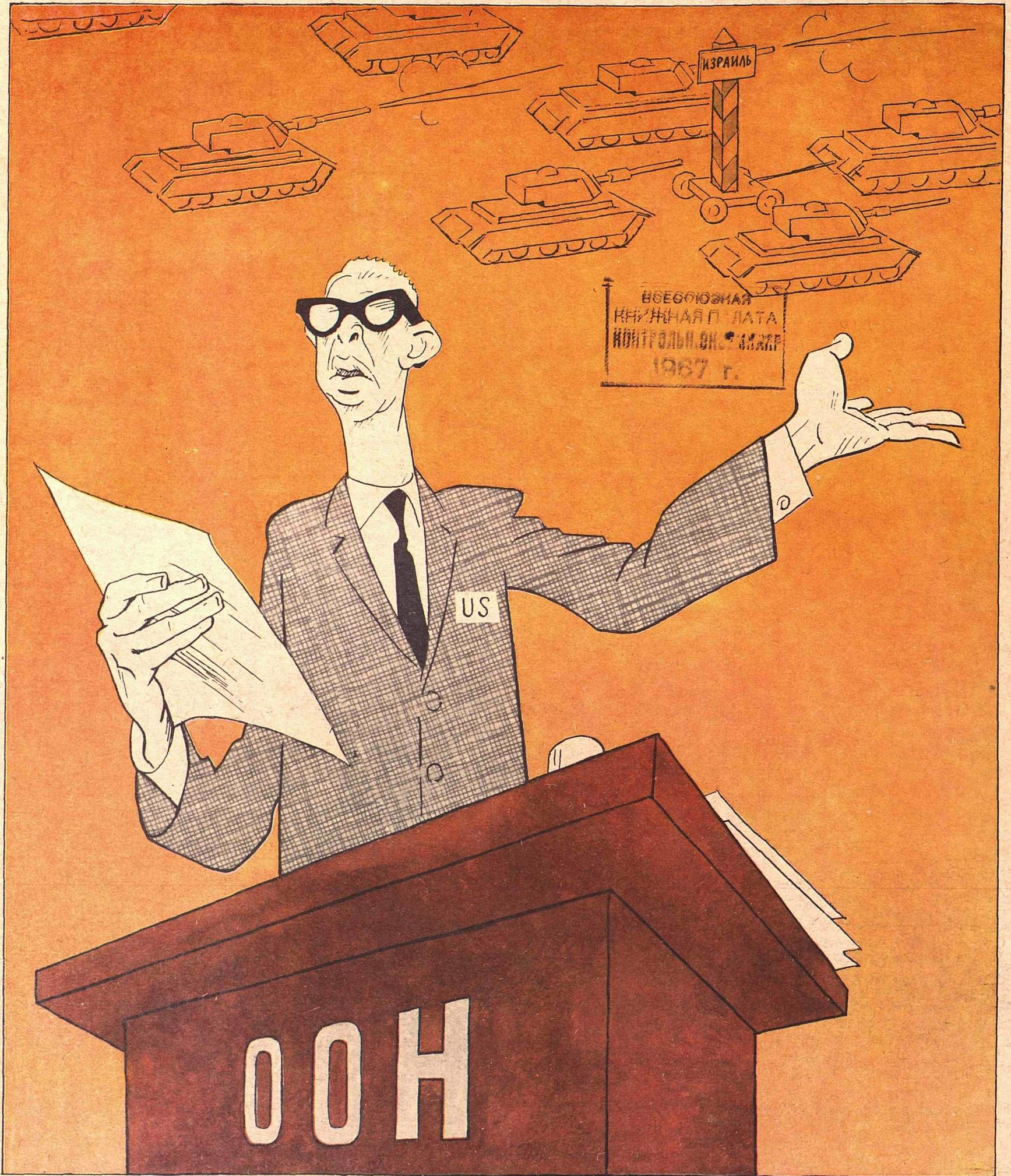
Анатолий АРТЕМЦЕВ

РАКИ И ПИВО

Из-под гнилой коряги выполз рак,
Стенлянные глаза протер от ила
И закричал в придонный полумрак:
— Эй, выходи, затишье наступило!
Клянусь усами, кровными детьми
И шейкой раковой своей супруги,
Что людям не нужны нисколько мы.
Какая благодать!
Резвитесь, други!..
Повыползло рачье из темных нор
И принялось грозить ему клешнями:
— Ты что, рехнулся, глупый фантазер?
Сам пропадешь, и то же будет с нами!
Их успокоил дальновидный рак:
— Друзья мои, сейчас в разгаре лето,
На суше ведь жара, а ноли так,
То ни в одном киоске пива нету.

— Гражданин, выходите!
Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Господа, Израиль только заботится о собственных границах.